

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

НЕЖНЫЙ ВРАГ

фантастика

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Б П П»

***МОСКВА
2010***

СОДЕРЖАНИЕ

<i>На землю маршрута нет.....</i>	<i>6</i>
<i>Достоинство недостатка.....</i>	<i>77</i>
<i>Центр времени</i>	<i>85</i>
<i>Нежный враг</i>	<i>92</i>
<i>Связной</i>	<i>94</i>

НА ЗЕМЛЮ МАРШРУТА НЕТ

Эскиз киносценария

1.

Плохое настроение не покидало Василия до конца полёта. Он пытался хохмить с попутчицами. Космобиотаники оказались смешливыми и общительными девушками, а с двумя учился на одном потоке. Василий мечтал о дальних не исследованных планетах, мечтал о гербарии неизвестных растений, но почти всю группу распределили на ближние, как говорится, давно истоптанные планеты. Степикову досталась исхоженная вдоль и поперёк планетка-крошка, зарегистрированная в навигаторском Атласе в 2099 году, имевшая паспортное кодовое название — КНВ-4. Не одно поколение студентов получило зачёт по практике, изучая изученное. «Кому нужна такая наука, которая перелопачивает известные истины? Такая наука топчется на месте. Её и наукой можно назвать с натяжкой, — нервничал Степиков, получив задание, тему и всё такое прочее. — Везде сидят старички, боящиеся, как бы чего не вышло такого, за что придётся отвечать кураторам и наблюдателям».

— Не бери в голову, — успокаивала его Иллона Кутильцева, — не ты первый, не ты последний. Так устроен наш научный мир.

— Тебе повезло. Ваша экспедиция будет работать в лесах планеты Бертаран. А мне придется три месяца заниматься бестолковой работой.

— Вася, а меня направили в лабораторию синтеза на Венеру. С таким же успехом могла остаться дома, в такой же лаборатории. По крайней мере, оборудование было бы классом выше, — вздыхала Алёна Лисицина.

«Чего теперь психовать? Изменить ничего нельзя. Порядок. Дисциплина, — думал Василий, прощаясь с девушками. — Ладно. Задание нужно выполнять». Он вышел на орбиталке, осмотрелся. Дальше Венеры ещё не был, но на таких станциях приходилось бывать несколько раз. Его никто не встречал. Он решил обратиться к дежурному, возможно, есть сообщение для него. В зале появился мужчина лет сорока с изможденным лицом почти серого цвета.

— На практику? — спросил незнакомец, пытаясь улыбнуться — Гордеев. Руководитель группы практикантов. ...Иван Андреевич. Я тебе сейчас расскажу... Инструкции в этом пакете...

— Полетим? — спросил неуверенно Степиков.

— Полетишь один. У меня аппендикс, будь неладен. Через недельку вернусь, когда ревизию сделают эскулапы. Если хочешь, поживи тут. Дождись.

— Мы одни что ли?

— Понимаешь, как обычно, числятся пятеро, но один в отпуске, двое по семейным обстоятельствам — жени-

лись. Не досмотрел. Мишка на защите степени. Они скоро вернутся. Запиши себе отдельно, как включаться, как обращаться с оборудованием. Радио, транспорт, питание...

— Проходили, — настороженно проговорил Василий.
— На всякий случай, повторите. Оборудование может быть старым, а нас учили на перспективу прогресса. Только новинки.

Не успел Гордеев рассказать об особенностях включения и работы энергоблока, как заговорило радио — причаливал паром. Объявили посадку. Пассажиры пошли к шлюзу. Гордеев, продолжал инструктаж находу:

— Мой челнок на втором причале. Номер 54. Вот тебе ключ. Введёшь программу полёта, автомат доставит.

Степиков проводил до шлюза Гордеева. Конечно, ждать руководителя не станет. Пусть поправляет здоровье. Теперь получить багаж с оборудованием. Но где выдают. Степиков бродил по этажам, давил клавиши у справочных экранов. Никто ничего не мог ему сказать вразумительного. Все заняты. Он понял, что ждут кого-то из Администрации. Готовятся встречать корабль высокого типа, который идёт на вынужденную.

— Молодой человек, — подошла девушка с эмблемой персонала орбитальной станции, — что вы тут разгуливаете? Вам пора. Багаж в челноке. У нас вещи перегружают сразу. Счастливой практики. Я тоже однажды так бродила. Вы у нас первый в этом сезоне. Держите связь с нами, если что понадобится. У нас чёткое снабжение. Будьте.

— Спасибо. Буду, — пообещал сконфуженно Василий, направляясь к своему причалу, где находился не-

большой грузовой кораблик, перевозящий грузы на короткие расстояния. Он летал на подобных сериях, но всегда рядом были опытные товарищи, а он сидел в боковом кресле, смотрел на экраны-иллюминаторы, на пульт управления. Теперь полетит самостоятельно. Никто не станет подсказывать, критиковать. Учили управлять, выходить из нестандартных ситуаций. Знания получил, зачёты сдал, но практические занятия на тренажёрах не дали серьёзного опыта, а кое-что выветрилось из головы, потому что не всегда был на лекциях по вождению, отдавая предпочтение лабораторным занятиям по любимой ботанике.

Василий уселся в кресло пилота, нажал кнопку с символом — «герметизация». Теперь нужно запросить разрешение на маневр отчаливания. Где же эта клавиша? Возможно, нужно включить общее оборудование? Или сначала этот тумблер переключить?

— Разрешите вылет? — дрогнувшим голосом, проговорил Степиков.

— Разрешено. Сделайте вираж на третий эшелон. На втором — метеорный дождь. Счастливой практики, Степиков. — чересчур радушно пожелал женский голос. Василий вдруг вспомнил, что нужно включить всё оборудование. Перед ним светилось табло-клавиша — «пуск». Засветились мониторы, пошли строки компьютеров, дающие сведения о маршруте, обстановке, возникли графики, появилась многомерная схема траектории полёта. «Такая ерунда, а вот забыл, как запускать программу. Вроде всё правильно. Челнок пошёл. Зазвучала ритмичная музыка работающих двигателей. Полный порядок». На взлётной

платформе аппарат встал. Степиков ожидал, что вот сейчас начнётся взлётное скольжение-ускорение, но челнок будто примёрз. Заработала радиосвязь с орбитальной станцией: «Пятьдесят четвёртый, освободите платформу, — потребовал равнодушный голос. — Не тратьте топливо».

«Как же я освобожу, если челнок дурака валяет». Вновь прозвучал приказ. Степиков осмотрел приборы, ведь включил всё, что нужно, как в инструкции. «Вот позор, вот влип. Практикант. Хорошо хоть не послали куда подальше. С такими знаниями нужно сидеть дома в оранжерее. Всё будет записано в моей характеристике. Спросят за каждый промах, после практики. Что-то не включил. А что? Устаревшая серия. Надо было повторить перед отправкой».

Раздался спокойный и ласковый голос: «Не волнуйтесь. У вас всё в порядке. Мониторы работают. Вы космоботаник. Могли не знать. У нас новейшие челноки. Положите кисти руки на подлокотники. Включится система безопасности. Теперь вы подключены к бортовым компьютерам. А теперь скажите или подумайте, что нужно делать автомату полёта. Это противоугонное устройство. Дети балуются иногда, а теперь кисти ваших рук взрослого человека в программе.

— Мы этого не проходили, — сконфуженно сказал Василий и добавил малоупотребимое слово: — Спасибо.

2.

До конца светового дня, Степиков разгружал челнок. Попытался запустить разгрузочный транспортёр, но работать одному оказалось не просто. Возил контейнеры

на тележке. После обеда в просторной каюте, взгляд его нечаянно выхватил плакат с техникой безопасности по использованию антигравитационного пояса. Тогда соорудил гамак, укрепил пояс на контейнере и работа пошла быстрее. Причальная площадка находилась в седловине между двух островерхих горных вершин, которые покрывали панели солнечных батарей. Оборудование работало от электроэнергии. На случай аварий предусматривался плазменный генератор. Каждый член экспедиции имел индивидуальные средства связи и защиты, работающие на приёмниках «Теслар», извлекающие энергию из атмосферы. Но Степиков пока не ознакомился со всеми помещениями станции, оставив экскурсию на следующий этап своего пребывания, поэтому и не знал, где находится его комната.

Разгрузив челнок, Василий вошёл в столовую и в изнеможении сел в удобное кресло. В холодильных камерах было много разных продуктов, но готовить не хотел. Мамины пирожки и кексы были свежи и ароматны. Ноги и руки ныли от усталости. «Предупреждали, что занятия спортом не мешают на чужих планетах. Занимался не регулярно, но в тренажерный зал ходил со всеми. Изрядное тут давление и притяжение какое-то странное — пульсирующее. А может быть, показалось. Нужны приборы. Найду, закажу. Должны быть автоматические тележки, не носят на себе контейнеры тут по камерам хранения. Нужно поискать какие-нибудь гантели, гири. Ничего. Завтра сам сделаю. Сок с пирожками — ужин хороший. Завтра включу программу автомата питания, придётся учсть

особенности гравитации. Посмотрю программы коллег, узнаю, как они питаются.

Немного отдохнув, послонялся по каютам, вспомнил, что нужно отметить в главном компьютере, именуемым «домовым» или «хозяином».

Сделал записи в дневнике о проделанной работе, что ел и что пил, заполнил карточку здоровья и настроения. Собрался отправить видеописьмо родителям, но, увидев своё отражение на мониторе, решил повременить с этим мероприятием, так как вид был измождённым, а глаза выглядели очень усталыми. Мама будет волноваться, станет придумывать себе какие-нибудь фобии насчёт его здоровья. Завтра, завтра, — подумал Степиков, засыпая.

Новый Робинзон не слышал, как отвалил запрошенный с орбитальной станции челнок, как перед утром прошла короткая гроза. Проснулся разбитым и почти больным. Каждая жилочка ныла и вибрировала. «Адаптация началась, — решил Степиков, вслушиваясь в чарующие звуки летнего леса. Информация о погоде, о солнечной активности появилась на мониторе. «Домовая» попросила составить меню на завтрак, предложила варианты, сообщила о готовой ванне, показала прошедшую грозу, наполнив комнату мягкими раскатами грома и шумом дождевых струй. Василию показалось, что никуда не выезжал, а лежит у себя на даче за городом. Полежав на удобной кровати минут, пять, Василий включил массажное устройство. Стало немного полегче. После ванны и контрастного душа, температуру которого для него подобрали умные надзиратели за его здоровьем, почувствовал себя довольно сносно. В лаборатории пришлось зарегистрироваться. Су-

нул в приёмник дискету, на которой были его индивидуальные коды, степень разрешения для работы на оборудовании нужного уровня, медицинская карта и многое, многое другое, что необходимо практикантам в рейсах. Дублирующий чип вживлялся в правую лопатку всем студентам сразу же, как только они переводились на третий курс. Охранные чипы были у всех землян. Это позволяло идентифицировать тела и отличать приборам во время нештатных ситуаций по принципу — «свой-чужой».

Степиков спешил покинуть станцию, но формальности забирали время. Без выполнения инструкции «хозяйка» не выпустит в шлюз, не выдаст скафандр. Василий отправил родителям видеописьмо, условился о сеансе связи с учебным центром, хотя знал от старшекурсников, что сигнал поступает сразу, как только он прилетел на орбитальную станцию. Знал, что его куратор, если захочет, узнает его пульс и температуру, давление крови и настроение. Удовольствие дорогое, но вероятное.

Собрав портативное оборудование для сбора проб воздуха и грунта, Василий, обрадованный окончанию всех проволочек, направился к выходу, но его остановил компьютер и выбросил на монитор анкету. Это был тест «на всё». Он уже проходил подобные процедуры, но эта превзошла другие своей занудливой глупостью, какими-то дурацкими ситуациями. Он хотел крикнуть, что здесь уже были исследователи в течении тридцать земных лет, здесь уже дороги натоптали по всем направлениям. Вопросы посыпались вразнобой. Были десятки ответов. Он должен был выбрать один, который считает нужным. Успокоившись, принялся хохмить, давая такие глупейшие ответы,

что сам удивлялся своему ироническому настроению. Он знал несколько «интеллектов», которые отличали сатиру от юмора, а в основном конструкторы не удосуживались создавать машины, которые могли бы улыбаться, быть снисходительными. Боялись, что ожившее «железо» станет коварным и завистливым, появятся чувства превосходства и лидерства. Было чего бояться. Учёные оказались беззащитными перед лицом собственного прогресса. Осторожность не мешала.

Получив инструкции, Степиков облачился в скафандр, укрепил на спине кофр с нужным оборудованием, проверил работу пояса с двигателями подавления гравитации. Другой бы покопался в данных, которые собрали до него исследователи и такие же практиканты, как он, но Степиков не стал «шариться» в компьютере. Ему захотелось самому разобраться, почувствовать себя первооткрывателем, хотя и на короткое время. Это естественно, ведь Василию исполнилось только восемнадцать земных лет. Кто в его возрасте не мечтал открывать дальние миры, исследовать дикие планеты и встречаться с представителями других цивилизаций?

Опустившись на берегу горной речушки, Василий облюбовал полянку, которую хотел осмотреть. Он получил разрешение на двадцать минут. Первое и последнее. Он не должен выходить со станции один. Почему тогда его выпустил компьютер? Это нарушение. Странно. Размышлял Степиков, подписывая пробы, складывая в отсеки, намереваясь провести подробный анализ в лаборатории, а не на скорую руку. Два оранжевых карликовых солнца светили и грели с большим старанием. Степиков

забыл включить систему охлаждения защитного костюма, и ему становилось жарко. Большинство растений оказались известными. Да и определитель подсказывал, что нового ничего нет — всё, внесено в каталог. «Как же так, — думал Василий, — растительный мир на разных планетах одинаков. Посев кустарников, деревьев совершён Великим Создателем в разное время. Удивительно мироздание. Оно так бесконечно, что и представить его не дано смертному. А зачем ему эта практика? Что даст человечеству его работа? Ничего. Всё изучили до него, составили карты, выявили полезные ископаемые. Открытия настолько редки, что и мечтать о них не стоит. Нужно делать свою работу. Практика — это трамплин, это закалка, это маленькая форточка в будущее. А если повезёт, форточка может стать окном или дверью».

Возвратившись на станцию, Степиков ещё раз внимательно сверил растения с определителем и остался недовольным. Растения ничего особенного не представляли для науки. Он вполне способен получить зачёт по практическим занятиям, это ничего что не будет сенсационных открытий. Он на них и не надеялся, так как только отличники получили право побывать в составе экспедиций на необследованных материках. Степиков не хватал с неба звёзд. Занимался средне, наукой интересовался, но без особой фанатичности. Просматривал справочники, сообщения и доклады. Что-то заносил в свой блокнот, пытался делать какие-то цепочки аналоговости, но это никого не интересовало, кроме как его самого.

Отдохнув от трудов, занялся изучением привычек коллег, ознакомился с историей станции. Пока готовился

ужин, просмотрел дневники наблюдений. Уяснил, что коллеги что-то не договаривают. Дневники были старыми. Свежих записей не нашёл. Гордеев промямлил о запрете. Что там может быть? Следы древних цивилизаций, развитие которых вошло в тупик или климатические условия не позволили быстро приспособиться? Разберусь. Только как бы усыпить бдительность «Хозяйки», одного она больше не выпустит. Придётся сделать манекен, имитируя сердцебиение. А если раскусит? Если программа стоит специальная? Не обманешь. Ведь потом будет доклад о склонности к мошенничеству, а это навсегда. Ждать, когда соберутся остальные обитатели станции. Если что-нибудь интересное найду, простят нарушение инструкции или нет? Как же выйти?

Степиков решил ознакомиться с расположением отсеков станции. Надеялся, что в природной пещере, бывает пустоты, штольни, гроты и прочие норы, по которым в лава могли выходить вулканические газы. Должен быть и запасной выход. Василий поразился, увидев на мониторе замысловатую сеть ходов, залов, наполненных водой, причудливыми сталактитами и сталагмитами. Аварийных выходов было три, но все они были под наблюдением. Увидев на схеме ещё одну сеть, Степиков подумал, что можно прорезать скальную породу, сделав проход в другую пещеру, имеющую пологий спускк подножию горы. Как обмануть компьютер? Как усыпить его бдительность и обойти инструкции? Лучше договориться. Сделаю запрос и докажу целесообразность сооружения ещё одного запасного выхода.

Степиков понимал, что делает неправильно. Даже мысли у него не должно быть в голове о нарушениях предписаний. Сказал Гордеев не соваться в центральную часть, значит, он не должен и не имеет никакого права ослушаться приказа старшего товарища, а тем более руководителя станции. Но ему так хотелось разобраться в недосказанностях наблюдателей, что он был готов нарушить, обмануть, но лишь бы докопаться до истины. Подожди, не суетись. Прибудут коллеги, специалисты, тогда вместе и станешь делать свои открытия. Говорил он себе, но слышал плохо.

Утром следующего дня, Степиков нарисовал на плане узкую полоску ленточку — территорию своего обследования, указал время возвращения и компьютер открыл перед ним дверь-люк. Дышалось легко. Состав атмосферы ничем не отличался от земного. Степиков шёл вдоль берега каменистой речки, рассматривая валуны, траву между камнями. Попадались скелеты рыб. По кусочкам коры и стеблями сухой травы, висящих на кустах, определил, насколько вода поднимается в разлив. Его внимание привлекли куски пластика и картона. «Свалка. Упаковка от оборудования. Надо же было утилизировать, а не разбрасывать отходы. За такие дела, можно и поплатиться. А если это авария. Наши должны были убрать эту помойку. Не видели, наверное». Степиков попытался обнаружить какие-нибудь знаки и символы, но, сколько бы ни ворошил, переворачивая куски пластика, ничего не смог найти. Он понимал, что природа не могла произвести такие прямые углы, овальные отверстия. Продолжал ис-

коть зацепку, которая позволила найти адрес нарушителя не писанных правил.

Василий оставил в покое свалку и пошел дальше среди кустов ивы, росших на песчаном берегу. Метрах в тридцати высились сосны и кедры, что бывает очень редко на Земле, но здесь удивляться не приходилось. Машинально, расстегнул защитный комбинезон, а это было нарушение. Если бы он не выключил аппарат, подавляющий гравитацию, то ему было очень легко передвигаться. Не устал бы, не вспотел, не снял до пояса прочную ткань. Он был молод и самонадеян. Не было рядом старшего товарища, который бы напомнил ему о том, что можно, что делать категорически запрещается. Разве он не слушал лекции о соблюдении безопасности? Разве не видел фильмы с примерами глупости, шалости и чрезмерного любопытства? Слушал и видел. Но... Воздух планеты опьянил.

Всматриваясь в заросли кустарников, заметил поляну, заросшую высокой травой. Продравшись сквозь густые прутья, увидел высокий стебель, на котором росли приплюснутые толстые початки. «Кукурузовидное», — обрадовался Василий своему первому открытию. Он сделал съёмку местности. Осмотрелся. Пошёл краем поляны, чтобы не мять высокую траву. Он не собирался срезать уникальное растение, но нужно было взять анализ состава сока, содержащего в листьях, в початках. Падение в темноту закончилось острой болью в груди. Когда вернулось сознание, обнаружил себя в глубокой яме, на дне которой кто-то установил острые пики-колья. Их было четыре. Мохнатый зверёк опередил его, оказавшись на трёх пиках, а четвертая — вошла в незащищенную грудную клетку.

Попытался обхватить палку руками, но не смог. Степиков понял, что в кровь попали парализующие препараты, которыми охотники пропитали свои орудия. «Если не умру, то смогу включить прибор, подавляющий гравитацию. Руки не слушаются. Паралич. Люди здесь живут. Теперь это могу сказать точно. Когда они придут, обнаружат солидный трофей.

Открытие не придало ему особого оптимизма. Не было и радости. Компьютер заметит, что он не вернулся в установленное время, объявит тревогу, но кто отправится его выручать? Отправляться некому. Сиди, Степиков, а точнее — виси, да раздумывай о своей молодой жизни, которую ты так по-глупому потерял. Спешил делать открытия. Кому теперь они нужны? В сводках появится сообщение, что практикант такой-то, нарушив инструкции, поплатился за свою беспечность, так как снял защитный комбинезон и шлем, выключил антигравитационник, отправился на работу, исследуя малоизученную планетку в одиночестве. Сам виноват, нечего вину на компьютер сваливать. Он должен был тебя не выпускать, попугая зелёного и тупого.

Думая о смерти, Степиков знал, что перейдёт в другое измерение, начнёт иную жизнь иного содержания, но ему хотелось побыть тут, где он привык находиться, где у него возникли обязанности и привязанности. Его подруга Алла будет вероятно грустить о том, что они не успели пустить в мир другие жизни, условившись официально получить разрешение на совместную жизнь после учёбы. Это не страшная потеря для мира. Не он первый, не он последний уходит в параллельный мир. Обидно, что ничего

хорошего не сделал. Примитивная ловушка оборвёт его нынешнее состояние. Судьба. Рок. Фатум — так говорили древние. Поборемся, — сказал себе Степиков и принялся концентрировать волевою энергию, чтобы не потерять сознание, чтобы восстановить разрушенное тело. Он пытался выговаривать слова, позволяющие унять боль, обрести спокойствие и ясность ума. Говорить он не мог, но лишь мысленно представлял себя здоровым, молодым и счастливым. Звал тех, кто построил это сооружение, приказывал им срочно забрать добычу, иначе она пропадёт. Мысленно он кричал так громко, так призывно, что не заметил, что над ямой склонилось два человека.

3.

Лёжа на звериных шкурах, Степиков думал о том, что прошло много времени, а он ничего толком не узнал, ничего не сделал, чтобы понять планетку, хотя как сказать. Не было бы счастья, если бы не возникшее несчастье. Толстые коричневые брёвна домика были в трещинах и пятнах смолы. Рана затягивалась быстро. В полевой аптечке было много разных препаратов, способствующих заживлению и восстановлению тканей.

Старый Нонг помог приподняться, начал поить отваром. Василий ощутил привкус трав, корешков, которые ему показались знакомыми. Язык незнакомцев, вызволивших его из ловушки, не сложен. С помощью программы карманного переводчика он понимал спасителей.. Каждый день Степиков запоминал десятка два новых слов и понятий. Когда уходили знакомцы, космоботаник занимался лингвистикой, записывал в «блокарту» названия предметов.

Старик и его дальний родственник Айкин ушли в горы и жили вдали от людей. Степиков пытался понять причины ухода, но ничего конкретного не обнаружил, так как словарный запас был мал. Нонг не разрешал много разговаривать, не пытался понять пришельца, с чем он пожаловал и что от него можно ожидать. Они знакомились друг с другом. Осторожно сближаясь, боялись неожиданностей. Василий сразу понял, что перед ним неплохие люди, хотя уровень развития, судя по орудиям промысла и посуде, говорил, что они пока в колыбельке, хотя светильник, напоминавший аккумуляторный фонарь, был сделан непонятно из чего, а как он заряжается, Василий так и не понял.

Прошло пять суток. Степиков мог свободно дышать, повязку снял старик, но отваром поил, вставать не разрешал, но каждый вечер водил над раной морщинистыми ладонями, что-то бормоча. Айкин приходил всегда шумно. От него пахло копчёной рыбой, какими-то растениями. Приносил что-нибудь интересное или вкусное. Иногда это была ветка с крупными кисло-сладкими ягодами, а чаще кусок ароматного сушеного мяса неизвестного животного. Василий ел мало, боясь новой пищи, которая может вызвать отравление, так как слово «мясо» вошло в разряд архаичных. Белки, необходимые организму, синтезировали. Отдельные гурманы ели в специальных пунктах — столовых — старинные блюда из натуральных продуктов. В основном это были овощи и фрукты, а пищу из животных и обитателей рек и морей почти не употребляли, считая её полезной лишь наполовину.

Начались проливные дожди. Степиков рвался на станцию, но его вежливо останавливал старик, поясняя, что рана должна «постареть». Слабый человек может стать добычей крупного зверя или упасть с тропы в бездну. Василий слепил из глины фигурки шахмат. Древняя игра ему нравилась с детства, напоминая об отце, который научил его не только разным играм, но и защищать себя в разных ситуациях не только словами, но и всеми конечностями, используя всё то, что может оказаться под рукой. Разработанное оружие защиты было очень действенным. Его возможности были безграничны, а приёмы древних единоборств иногда вызывали у Василия скептическую улыбку. Отец радовался его успехам, они ходили в кружок посвященных в таинство древних, способных голосом поднимать грузы, силой воображения и духа перемещаться в пространстве. Васька видел эти «фокусы», но одолеть науку с разбега не смог. Длительные тренировки отнимали много времени. Повзрослев, он занялся ботаникой, поступил в единственное учебное заведение, которое занимается проблемами космической жизни растительных миров. Отца видел редко, в основном по каналу связи. Посылали друг другу видеоподарки, общались, рассказывая о делах и проблемах. Отец изучал вулканы на островах планеты Ладикон. Братья и сёстра посвятили себя искусству, снимая голографические фильмы, сочиняя к ним музыку и картины. Мама была в общепринятом понятии, но её детородные проблемы взяла на себя специальная камера, так как она в детстве попала в аварию, повредила тело. Ей заменили половину скелета, вырастили новые органы из клеток. Она была очень заботливой и прекрасной мамой.

Она изучала музыку и её возможности, как средство возвращения молодости пожилым людям. Степиков мог играть на многих инструментах, которые звучали, так как он хотел, посылая биотоки в уловитель. Несколько пьес мама научила его играть на старинной фисгармонии. Он этим гордился в детстве. Его приглашали взрослые воспитатели центра на праздники, чтобы он сыграл им что-нибудь настоящее, руками.

Шумели в горах потоки, гремели обвалы, рвали небеса грома и молнии. В глубокой пещере-комнате было сухо и тепло. За дверью поскуливала собака — лохматое доброе животное. На груди Василия мурлыкал чёрный котик с белой мордочкой и пушистыми усами. Степиков старался помогать спасителям, растирал в ступе корни, научился дробить блестящие матовые граненые корни, из которых возникало много странного розового порошка приятного вкуса. Корни, вызвавшие пристальный интерес, выращивали на крохотных грядках в ущелье. Мог сварить похлёбку, поджарить на камне очага рыбу. Выяснил, что варварскую ловушку с пиками построили другие люди, живущие в лесу.

На третьи сутки облака стали рассеиваться, дожди и грозы утихли. Солнечные лучи упорно протискивались сквозь прорехи в облаках, высвечивая обгорелые поваленные деревья, потоки камней и грязи. Кое — где ещё дымились стволы, поднимались густые пласты испарений. Степиков с трудом узнавал привычные ориентиры. Обрушенные камни запрудили ручей. Образовалось небольшое озерко. Уступ горы, на который выходил шлюз, завалило камнями. Василий нашел запасной вход. Попытался рас-

чищать причальную площадку, но быстро выдохся, заболела рана, лопнула розовая кожица. Началось кровотечение. Посидев на камне, хотел отправиться в станцию, и уже занёс ногу над пропастью, чтобы полететь, как вдруг вспомнил, что снял «антиг», когда работал. Пояс мешал. «Долго бы летел, — подумал Василий, делая шаг назад. — Вот разиня, так разиня». Успокоившись, укрепил пояс, представляя, как бы выглядело его тело, разбившееся о камни на берегу озера.

Степиков не обнаружил в компьютере связи никаких указаний, ни сообщений. Даже родители не удосужились ответить на его послания. «Странно, размышлял он. — столько времени прошло, а никто о нём даже не вспомнил. Гордеев должен был что-то передать, поинтересоваться. Руководитель практики обязан был подать свой «голос». Всеми забыт и брошен на этой прекрасной планете. Сделаю запрос о здоровье коллеги. Должны знать на орбиталке. Почему «Хозяйка» не подняла тревогу, ведь его не было на базе пять суток? Хорошо, что не пришлось отчитываться, заполняя карточки тестов. Всё это похоже на какое-то старинное кино по сценарию Станислава Лемма или братьев Стругацких.

Связь была, но его сигналы не проходили. Попытался использовать экстренную программу, но безрезультатно. Похоже, работает какой-то мощный генератор помех. Если бы ходил на дополнительные лекции по связи, тогда бы разобрался в этих датчиках и передатчиках. Нашел бы вариант, как установить канал. Проверю антенны». Записал всё, что с ним произошло, но забыл доло-

жить компьютеру о том, как чуть не разбился по своей рассеянности.

Степиков смазал рану бальзамом, лёг на кровать и долго лежал, рассматривая материалы о том, что происходило вокруг станции во время его отсутствия. Заметив странную клавишу с непонятным символом, включил. Оказывается, на высокой вершине стоит видеомаяк, фиксирующий всё, что происходит вокруг. Увидел и себя, бредущего вдоль ручья. Вот он лезет в кусты ивы. А это идут его знакомые. Проверяют самолеты, установленные в заводях. А кто же это с луком появился из-за камня? Другие люди, идущие проверять ямы. Возможно. Следят за Нонгом и Айкином. Планета обитаема. Что тут доказывать? Вот записи, вот контакт с представителями одного из племён. Высокие, кареглазые, добрые и вполне хорошие люди. Вот только как у них работает лампа?

Не понимаю принцип действия. Стоп. Что же это летит? Станный аппарат возник из-за дальней горы и скрылся за низкими облаками. Самолёт? Крыльев нет. Геликоптер. Айкин говорил, что есть большие поселения. Старик его оборвал. Не доверяет. Наберу продуктов и полечу к ним. Буду учить язык, помогать, добывать пищу. Стану, как этот. Как же его звали, который жил в африканских племенах? Маклай. Не прогонят. Наши придут, увидят сообщение, познакомлю их. Надо будет доходчиво рассказать о себе, чтобы не боялись.

Чтобы не испугать знакомых, работавших на расчистке огорода, Степиков облетел гряду стороной. Оставил капсулу в гроте, вход в него был закрыт брёвнами, образующими стену. Там была кладовая с сушеной рыбой и

разными огородными овощами. Из обрывков понятных слов Степиков составил некоторое представление о том, что старик прячется от кого-то. Жилище не выдержит осады, если будет наступление. Его могут поджечь. Василий решил проверить состояние скалы, на уступе которой было устроено жилище. Возможны внутри пустоты, а значит нужно прорезать запасной выход, чтобы незаметно уйти или атаковать неприятеля с тыла. Просветив горушку ультразвуковым аппаратом, обнаружил, что есть несколько длинных пещер, которые можно соединить между собой, сделав лабиринт, или ещё одно жилище.

Вырезав «М-лучом» в каменной стене узкий проход, Василий оказался в тёмной штольне, которая почему-то вела только вверх, хотя прибор показал, что есть нора, уходящая вниз. Почувствовав себя усталым, Степиков вошёл в помещение, снял шлем и плотно закрыл дверь, так как газы, образовавшиеся после испарения каменной породы, пахли не очень приятно. Приготовление ужина не заняло много времени. Полуфабрикаты из контейнеров были готовы, как только он повернул распаковочные кольца. Выложив содержимое в котелки, миски, стал ждать хозяев. Проснулся Степиков от сигнала сторожа, уловившего звуки лая и голосов. Было уже темно и прохладно. Он сел на камень у тропы. Радостно скуля, прибежала собака. За ней с вязанками дров, тяжело дыша, поднимались Айкин и Нонг. Старик, скрывая раздражение, произнёс слова приветствия, и принялся разбирать коренья растений, отказавшись от приготовленной еды. Айкин с удовольствием попробовал все блюда и остался доволен. Ему понравились телячьи котлеты с белым соусом. Ле-

пёшкой собрал остатки картофельного пюре и старательно помыл посуду. Собака лежала у порога, ожидая порции внимания. Нонг вынул из корзины большую рыбину, похожую на тайменя, разрубил тяжелым длинным ножом на куски и положил перед псом.

Айкин резал толстые корни вдоль волокон и раскладывал на плетёной из прутьев сетке. Василий принялся расспрашивать о назначении корней, что из них готовят, где они растут, как называются. Старик развёл костерок в очаге, насыпал сверху горсть жёлтых мелких камней, которые быстро загорелись, выбрасывая длинные языки фиолетового пламени. Это был не уголь, но смола какого-то дерева, пролежавшая много времени в воде, и напоминала земной янтарь. Корни заготавливали на зиму и добавляли в похлёбку. Если такое варево долго постоит, то забродит и получится пиво, от которого кружится голова и хочется прыгать, лезть на дерево и кричать от радости на звёзды. Айкин пообещал показать траву с такими интересными корнями. Увидев шлем, тоже принялся задавать вопросы:

— Это защищать голову от меча? Крепкое дерево?

— Такой материал, который и не горит и не пробивается. — Айкин примерил шлем. Степиков показал, как меняются светофильтры, как подаётся дыхательная смесь. Показал жестами, что в шлеме можно опускаться под воду на большую глубину.

— Не приставай, нахмурился Нонг. — Этот человек заблудился в горах. Свою голову вторую нашел у белого камня. Где лампу нашли. Больше мы ничего не знаем. Будь славен сын Иссонез. Благодаря ему, мы хорошо уст-

роились тут, где нет шестаков, а мы живем, как нам хочется. Запомни, что и красный рыбий кафтан и всё другое он нашел. Если что случится, то говори, будто бы Василе упал со скалы, когда искали мёд, потерял сознание, а теперь болеет. И ты говори, что упал со скалы. Если они поймут, что ты чужак, то будет беда. Нас накажут, потому что мы не сообщили в бюро режима.

Айкин погладил старика по плечу.

— Дедуня, не трусь. Никто нас не найдёт здесь. Твои страхи надо бросить в огонь. ...Кого ты видел? Кто мог за нами следить?

— Я уже старый. Но я не мог придумать, что за нами следят Эти. Они могут жить в лесу, плавать по морю на лодках. Они захотят взять нас к себе, чтобы мы работали на них. Из меня работник плохой, а ты молодой и сильный. Им такие нужны.

Накладывая на рану тряпицу, пропитанную настоем трав, Нонг качал головой. Степиков позволял себя лечить, чтобы понять какие травы использует старик, как готовит свои бальзамы. Недоверчивость его понятна. Слишком много пережил этот человек, чтобы вот так запросто делиться с первым инопланетянином, хотя и вытащенным из чужой ловушки, секретами и опытом. Василию показалось, что Нонг хочет осмотреть его тело. Вероятно, ищет какие-то знаки, указывающие на принадлежность к Этим или Другим.

Утром, умываясь, снял с себя всю одежду, чем страшно удивил старика. Нонг внимательно рассмотрел крепкую развитую фигуру Степикова и подобострастно

покивал головой, выражая почтение и восторг. Айкин коснулся пальцами плеча и сказал:

— Тебе дома разрешено иметь детей, а мне вот нет. Я жил в общем детском доме, когда однажды меня выкрали у родителей. Жил я там долго, а потом был переворот. ...Дети от меня могут получаться, но жениться не могу, так как в детстве сделали операцию, — парень развязал шнурок, поддерживающий брюки из грубого материала. Василий удивился, рассматривая жестокую операцию судьбовершителей. Крайняя плоть была пришита к коже живота, поэтому и акт размножения совершать было невозможно.

— Тебе хочется жениться?

— У меня есть девушка, но там, далеко. Я ей не сказать, что со мной сделали. С чем я к ней приду? С этим.

— Не стоит расстраиваться по пустякам. Могу тебе помочь.

— Помоги. Буду твоим рабом, сколько хочешь лет. У меня есть немного денег и самородков. Возьми себе для коллекции. Потрать тут на что-нибудь. У тебя всё есть. Ты могущественный, а мы — дикие люди. Нами управляют, как хотят. Налогами душат. Был раньше налог за два глаза, за две руки, за две ноги. Если отдашь руку, налог не берут. Отдашь глаз, налог не берут. Отдашь почку, налог не берут. Теперь мы не воюем, налоги не отменили. Больные богачи получают здоровье, а бедняки — увечья.

— Тут у вас не всё хорошо. — Сказал Степиков. — Ладно. Твои сбережения тебе пригодятся. Операцию сделаю.

— Айкин, Айкин, зачем тебе эти хлопоты. Я был семейным человеком, а теперь у меня никого нет. Детей забрали в курбеты, чтобы учить их наукам, а потом сделать из них военачальников, строительных кордов. Жена любила вертеться на балах, требовала украшений и модных юбок. А где я мог столько заработать? Только на службе у самого. Там здорово оплачивают разные грязные делишки. Выполнил задание. Получи. Не выполнил — штраф вноси в казну. Я не умел пакостить и подслушивать.

Жена требовала, чтобы вступил в организацию шестаков, но я не мог совершать подлости. Однажды на меня набросились дружки жены. Обороняясь, я пришиб двух и покалечил троих. Я хорошо стрелял из игломёта. Не всегда я жил стариком. Подумай, парень, нужно ли тебе эта головная боль. Получишь ты детей, поставишь на учёт. Станешь заботиться о них, учить в баруге. Потом пришлют бумагу и отправят мальчиков на маневры — рыть укрепления вокруг страны. Будут они в мороз и зной работать мотыгой. Если не выполнят норму, не получают муки на лепёшки. Пять лет редко кто выдерживает. Умирают мальчишки от болезней, от побоев. Тебе этого хочется?

— Я не отдам сынов никому.

— Тебя, думаешь, кто-то будет спрашивать? Заберут и с концами. Ты бесправный. Если не вступишь в организацию шестаков, так и будешь рабочим скотом. Тебе это надо?

— Живут же люди. Не я один такой. Василь, сделай мне другую жизнь. Буду твоей тенью.

— Не видал ты горя, Айкин, — вздохнул старик, разглаживая бороду.

— Хочу жить настоящим человеком.

— Василей, не слушай его. Сам не знает того, чего ему захотелось. Не ломай ему свет. Он сойдёт с ума. Он уже взрослый, но неграмотный. То, чему я его научил, очень мало. Без образования не получит нормальной работы. В каменоломне махать киркой — это будет его удел. Он не сможет быть самим собой. Потому что всю оставшуюся жизнь будет работать на жену, на детей. Только ночь будет принадлежать ему. Люди ночами сажают свои огороды, учатся в катарах, чтобы как-то подняться на другую ступеньку общества. Я же, дорогие мои, всё это прошёл. Какая радость в том, что у тебя ребёнок. Ответственность за него возникнет такая, что ты не будешь принадлежать себе, а только этому существу, которое кричит от болезней, не умея ещё жить, переваривать пищу, будет страдать от холода, а потом от голода, когда ты надорвёшься в каменоломне и будешь лежать на соломе, как последняя собака, потому что лечить тебя никто не станет бесплатно, а денег на чёрный день не сможешь накопить. Жена научится тратить твои деньги, приговаривая, что ничего не покупает лишнего. У неё будет десять платьев, а у тебя одни рабочие штаны. Ты будешь радоваться, покупая ей украшения. А она будет сосать твои соки, как пиявка. Пока ты работаешь, будет развлекаться в торнах, забывая приготовить еду детям. На твой вопрос, где ты была, начнёт плакать и говорить, что лучшие годы отдала тебе, что не послушала родную маму, согласившись на жизнь с тобой.

— Моя Лемма не такая. Она очень хорошая девушка.

— Плохих девушек не бывает в природе, — усмехнулся Нонг. — Никто не знает, откуда берутся отвратительные жёны. Не буду отговаривать. Только ты пойми, что всё плохое, что в ней прорвётся, она взяла от тебя. Ты не видел её много месяцев. Всё могло измениться.

Степиков внимательно слушал своих знакомых. Он ещё плохо знал специфику языка, а переводчик переводил автоматически, его словарный запас невелик. Айкин хотел иметь семью, а старик доказывал, что он не имеет права становиться семейным человеком.

— Где ты будешь жить? — спросил Нонг. — У тебя есть работа? У тебя есть возможность содержать семью? Кем вырастут твои дети? Ты подумал, какое образование они получат?

Айкин задумался. Они объединились, чтобы могли выжить в этих горах, добывая пропитания. Нонг не хотел, чтобы кто-то появился у них в домике. Тогда старик будет отодвинут на второй план, а молодой и сильный юноша будет думать только о своей семье.

— Дед, тебе нечего бояться. Ты станешь мне отцом. Мы будем заботиться о тебе, возьмём всю трудную работу в свои руки. Твой опыт нам будет нужен. Ты много пережил, видел добро и зло, знаешь разные ремёсла, умеешь лечить раны и добывать золотые камни. — Сказал Айкин и взял старика за руку. — Сделаю так, как посоветуешь ты.

Старик задумался. Он сидел на ящике и смотрел на огонь лампы. По морщинистому лицу, заросшему седой щетиной, можно было понять, что Нонг взялся решать трудную задачу.

— Я не должен тебе запрещать того, что ты ещё не испытал. Если будет нам трудно, вдвоём мы победим. Если приведёшь свою девушку, не буду возражать. Если она окажется хорошей хозяйкой, буду радоваться за тебя, а если станет мудрить и лениться, уйду в горы дальше. Будешь разбираться без меня. Не хочу видеть, как ты страдаешь. Ведь страдать буду тогда и я, потому что согласился стать твоим отцом. Ты не должен сделать ошибку. — В наступившей тишине прострекотал сверчок. — Позднее время пришло. Давайте отдыхать.

Степиков обработал шкуры на топчанах от клопов и блох, поэтому все спали крепко и спокойно. Лишь кот под утро забрался под травяную дерюгу к Василию и, помурлыкав немного, уснул.

К операции начали готовиться с утра. Степиков доставил из медицинского зала портативную лазерную установку, антисептирующие препараты, заживляющие и кровеостанавливающие гели. У Василия был хороший руководитель по медицинской практике. Он заставлял разбирать и собирать оборудование, находить неисправности и устранять. На манекенах студенты проводили простые операции. Степикову нравилось сращивать на муляжах сломанные кости, удалять омертвелые ткани. Это было на муляжах, которые в точности повторяли не только скелет человека, но и его внутренности, артерии и вены. Вместо крови вытекала подкрашенная водица.

Василий установил куполообразный экран над оперируемым местом, провёл кварцевание тканей и воздуха, разбрызгал по животу оперируемого болеутоляющий аэрозоль. Руки, проходя через прозрачный купол, обретали

тонкий слой высокопрочного, но гибкого материала, обволакивающего пальцы. Тончайший луч разрезал ткани на нужную глубину. За его прохождением Степиков наблюдал по монитору, который в своём режиме давал картину проникновения, и подсказывал какую мощность лучше выбрать. Можно было довериться автоматическому программному управлению, но Василий решил работать самостоятельно, но согласно полученному плану, после того как он ввёл данные в компьютер.

Через пять минут хирург, нарушивший ещё одну статью закона о невмешательстве в биологическую жизнь, провёл обработку продолговатой узкой раны на животе и на органе заживляющими аэрозолями, после некоторого времени распылил гель защиты, который станет препятствовать попаданию спор и микробов, защищать рану от механического повреждения. Айкин спал, вдохнув порцию снотворного. Нонг два раза заглядывал, многозначительно кивал головой, дескать, не требуется ли помощь? Степиков мотал головой, полагая, что пожилой человек его поймёт. «Компрачикосы какие-то — вспомнил старинное слово из какой-то книги, прочитанной в далёком детстве, Василий. — Изуродовали ребенка, похоже, в грудном возрасте, так как его родители были низкого сословия, ему была уготована жизнь слуги или чернорабочего, не имеющего права обзаводиться семьёй, не было возможности стать отцом, хотя все органы были на своих местах. Изуверы. Можно так сказать». Василий решил не записывать в дневник практиканта этот шаг по освобождению человека из своеобразного рабства. Ему обязательно нагорит, за то, что вмешался в ход истории маленькой планет-

ки. А что могут сделать? Не получит зачёт. Здрате. Он уже сделал открытие. Кукурузовидное растение. А мучнистые корни. С гранеными зёрнами нужно как-то познакомиться поближе. Какое же это растение, если в колосе крепкие зёрна матового отлива с шестью гранями. Где они растут? Нонг отмалчивается, а парень чего-то боится. Разберусь.

— Пусть поспит, — сказал Степиков, собирая оборудование в контейнер, укрепляемый за спиной. — Вечером пойдём ловушки проверять. Не упал кто в яму. Надо было бы её засыпать.

— Те люди могут обидеться, — проговорил старик, вынимая из сундука что-то завёрнутое в тряпку. — Это игломёт. Заряжается так. Здесь запас иголок. В зависимости от расстояния, на которое нужно послать иглу, делаешь обороты вот этой ручкой. Просто и надёжно. Бывают большие игломёты. Пробивают корабли насквозь. Поджигают дома и лодки. Кривые стрелы летят по кругу, пока не воткнутся в преграду. Я такие не любил. Возьмёте с собой, когда Айкин проснётся.

— Я проснулся, отец, — проговорил парень, пытаюсь встать с нар.

— Лежи, — приказал Василий. Тебе нужно отдыхать.

Как-то вечером Нонг рассказал не то легенду, не то сказку. Степиков её записал. Переводчик работал автоматически, его словарный запас был всё ещё очень мал.

— Расскажу тебе историю Белой птицы, — начал торжественным голосом Нонг, разрезая фиолетовые сладкие корни. — Это было давно. Наш большой народ ещё был свободным, и люди умели вместе петь рабочие песни,

отчего дома и дороги строились быстро. Проводились соревнования сказителей и танцоров, бегунов и рыбаков. Охотники, жившие в лесах и грасы, занимавшиеся обработкой почвы, объединились и выбирали себе умных и молодых вождей. Ещё тогда люди рассказывали о Большой Белой Птице. Кто говорит, что она принесла семена голувиты, а кто рассказывал, что в птице сидели люди в рыбьих костюмах, вот они-то и научили возделывать это растение. Как тут верить, ведь прошло очень много вёсен. Грасы жили на плато по обе стороны реки Долети и выращивали в основном рожь, ну и разные корни. Охотники, жившие в лесных горах, приносили на торги шкуры и мёд, мясо и кедровые орехи, обменивали на муку, на большие сладкие корни, из которых делали веселуху. Однажды весной, когда все поля засеяли, а на грядках высадили рассаду, ударил такой небывалый мороз, что река покрылась толстой твёрдой коркой.

— Ты, дедка, маленько-то не привирай. Какой коркой может стать вода?

— Вот такой толстой. Мне бабушка — старая мама рассказывала. Эта корка потом на солнце становилась водой. Но не сразу, а долго лежала. Все посева почернели от холода. Посеяли ещё раз. Налетели жёлтые пыльные бури, и все поля замело песком. Река высохла. Такая стояла жаркая дневная погода. Ночью было холодно. Лишь в распадках гор собрали урожай. Поделили его. Но это не спасло от голода. Люди ушли в горы, где росли травы вдоль ручьёв, водилась рыба и зверьки. Города вымирали и пустели. Армию распустили вожди. Кузнечные заводы закрылись сами по себе. Никто ничего не покупал и не

менял. — Нонг вздохнул и продолжал: — Грасы в горах плохо ориентировались, попадали под обвалы, гибли от зубов хищных волков и медведей. Тогда Талор-Старший и начальник армии Овегро собрал всех кравел на совет. Решили старейшины отправить корабли в сопровождении виманов в страну Титагов, живущих по другую сторону моря. Помощь не пришла, виманы не вернулись. А корабли попали в бурю или шторм. Говорили, что караван возвращался с провизией, а на него напали морские лиходеи, хитростью заманили на остров, чтобы набрать пресной воды. Будто бы один мореход возвратился из рабства спустя много лет и рассказал о своих приключениях в дальних странах. И тогда прилетела Белая Птица. Никто не помнит, какая она была из себя. Назвали её птицей. И всё тут.

— Дед, ты тогда маленьким был? — спросил Айкин, поглаживая лежащую у его постели собаку.

— Моего прапрадеда тогда не было. Эта самая Птица принесла людям семена зёрен. Они спасли людей. Голувита всходила и росла быстро. Покажи, Айкин. Ладно, лежи, я сам. На каждом стебле было по семь колосьев. В каждом колосе по двадцать зёрен. Стебли были такие прочные, что из них научились строить дома и мебель. Но зёрна. Попробуй, раздави. Они скользкие и крепкие, хотя и колотили их молотками. Не годились зёрна в пищу.

Степиков положил на ладонь матовые кристаллы, но тотчас высыпал на стол. Начал проверять на вредные излучения. Прибор выдал странные показания. Энергия, исходящая из зёрен, не было известной на Земле. Василий обрадовался открытию ещё одного редкого растения. «На-

до бы узнать, как растёт эта голувита, какие предпочитает почвы. Это уже что-то серьёзное. Тут пахнет настоящим открытием. Если другие ботаники тут не пошарились». Степиков положил в ступку несколько зёрен и попытался сам раздавить пестиком. Не смог он и перерубить зерно и ножом. Старик, глядя на упражнения Василия, улыбался в бороду.

— Как же их мололи? — удивился Степиков, рассматривая горку зёрен на столе.

— Зёрна дали большой урожай. Колосья росли даже на камнях. Они не боялись ни пыльных бурь, ни палящего солнца и даже морозы им были нипочём. Ложитесь на ночь, как бы наш свет не погас. Четыре весны светит. А надолго ли его хватит. Всё когда-нибудь кончается. — Старик выключил фонарь над столом и продолжал, забираясь под шкуры:

— Пришло время колосья молотить. Не все дожили до этого дня. Согнали людей на работу. Уже знали, что зерно нельзя есть. Зубы поломали, а пользы никакой. Пробовали варить, на огне калить — напрасно. Свезли мешки с зерном в замок Талора-Младшего. Надежды рухнули. Люди плакали, прижимая детей. Талор и его слуги как-то жили, а вот народ, оставшись без работы и питания, умирал. Зерно называли голувитой — проклятым, значит. Утром на месте, где лежала гора мешков с зерном, обнаружили большие короба с белой и жёлтой мукой. Она была такая вкусная, что люди её ели тут же, не замешивая в воде. Конечно, Талор знал, как сеять и убирать зерно, что с ним нужно делать, чтобы получить муку. У нас тоже есть немного зёрен, но мука с неба не падает. Зёрен нужно

много. Тогда голувита испарится, а на его месте окажутся короба. Кое-кто из грасов тайком стал разводить голувиту, но Талор и его слуги запретили это делать, а упорных наказывали палками. Муку нужно было разводить горячей водой, тогда получалось очень много теста, которое называли кашей. Из этой каши пекли лепёшки и хлебы, сушили на солнце. Овегро стал приглашать грасов и тунгов в армию. Люди, чтобы прокормиться, подписывали заслужки на несколько весён. Открылись баруги для детей. Ректовцы писали свои свитки, прославляя Белую Птицу, спасшую народ. Слагали песни о величайшем уме грасов Талоре, который установил связь с теми, кто послал с неба муку. Я бы вам спел, учили нас пацанов в баруге, но не хочу воздух перемешивать, так как пою я очень плохо. Портреты Талора должны были висеть на каждом углу, в каждой хижине. За маленький портрет спасителя грасов нужно было платить олик муки, а за большой портрет требовалось внести в казну пять оливок. Проходя мимо портрета, нужно было отдавать салют руками, становиться на одно колено и выкрикивать слова клятвы, восхваляя умнейшего и добрейшего Талора. Перестали избирать вождей. Талор-Младший ничего не сделал, но требовал и он к себе почтения. Кто плохо отзывался о его нововведениях, того хватали и отправляли в узкие кабинеты тыбурки. Шестаки ловили людей и силой заставляли барабанить на друзей и соседей. Усердным барабанщикам платили мукой, в которую подмешивали белую пыль. В баругах детей перестали учить наукам, там стали изучать новое жизнеобеспечивающее учение — белоптицизм. Кто не знал или не понимал законов нового учения, того оставляли учить-

ся ещё на одно лето. На работу таких людей принимали, но на самую низкооплачиваемую и трудную. В барабанных книжках, которые стали выдавать сразу же после рождения, ставились отметки о том, сколько отбарабанил владелец и сколько получил за своё подлейшее подлейшество. Наша страна вроде как процветала, но что-то было не так. Стали торговать с Титагами и Имакергами. Они умели строить махопланы и игло-стреломёты, которые называли пирролами. Голувита росла только на нашей оранжевой земле. Бросил свою армию Овегро, ушёл в горный Тырьсоном, чтобы забыть белоптицизм и замолить грехи. Отравился веселухой Талор-Младший. Многие кравел начали хапать себе сладкую муку, стали богатеть, забыв о нуждах народа. Народ строили в шеренги и заставляли ходить по улицам городов, с портретами последователей нового учения. Чтобы не было горько и стыдно, старые люди пили веселуху. Многие косились на барабанщиков, намереваясь их побить, но побаивались шестаков, которые во время шествий переодевались. Образовалась незаметно птичья каста. Активных барабанщиков проверяли, давая им разные задания. Кто выдерживал две весны, давая соседям пакости и подлости, тому выдавали белый свиток и знак «ВДБП» — великий друг белой птицы.

— Как же вы жили? Почему вас сделали рабами?

— Пытались некоторые кравел поднимать восстания. Но люди не видели дальше своей миски с кашей. Потому что все были на учёте. За всеми следили. ...Как кто? Друг за другом и следили. Доносили — кто что ел, кто что пил, как проходил мимо портрета нового правителя Гирха. Не заплатил гонал за воду вовремя, штраф, принудительные

работы на строительстве траншеи. У нас по границе роется такая глубокая длинная яма. Роют её уже много вёсен. Долбят камни, укрепляют стены. Кормят штрафников редко и плохо. Родственники должны проявлять заботу и каждый день приносить еду на объект. Собирается один человек в дорогу и везёт еду для десяти или двадцати соседям. Потом едет другой, если не отправят на траншею. Вот и стараются родители, чтобы дети барабанили, получали свитки и становились в ряды «ВДБП». Кому охота возить еду и передавать передачи с тыквенным чаем и сушёным тестом. Голода не было, но разве это жизнь? Гирх незаметно распустил вожей, завладел ключами от складов с мукой. Титаги и другие страны получали от него много муки, и сами перестали сеять рожь. Несколько государств стали зависимыми от настроения Гирха. Выказывали ему почести. Вручали подарки и называли его именем свои города. В наших посёлках стало беспокойно. Люди закрывались и закрываются друг от друга. Родственники не узнают друг друга. Потому что одного брата определили на траншейные работы, а другой — ходит с блестящим знаком на пиджаке. У одного и работа приличная и зарплата большая. Избытки муки одни кладут в Мучной банк, а другие люди, живя не досыта, меняют сэкономленное на обувь и пальтишко. Шестаки Гирха везде. Хватают по доносам барабанщиков людей и волокут в подвалы. Не разбираются. Человека могут родственники и не искать больше. Портреты с изображением Гирха стоят нынче намного дороже, чем когда-то продавали портретики Талора. В каждой комнате должны быть на видном месте изображения Священного, Праведного, Великолеп-

ного, Наимудрейшего. Более тридцати эпитетов должен знать ученик первого класса начальной баруги. Даже праздник вменили подхалимы — День Великолепного из Великолепных. В тот день на площади вывозили бочки веселухи эжейки. Все пили бесплатно. Утром следующего дня эжейку продавали. По тройной цене. У народа болели головы. Они не могли работать. В питьё что-то примешивали такое, отчего люди быстро привыкали к веселухе и уже не могли жить, чтобы не выпить стакан этого пойла. Пытались бороться с Гирхом. Хотели его свергнуть и отнять ключи. Появились люди, которые доказывали людям, чтобы они не пили веселуху, не сдавали голувиту Гирху, а доставляли бы мешки в горы, в штаб народно спасения. Кравел,Ы покупали оружие, готовили восстание. В горах люди учились метко стрелять из пирол, управлять махопланами и виманами. Шестаки не дремали. Не зря ели свою муку. Когда махопланы поднялись в воздух и уже подлетали к замку Гирха и его прихлебателей, у них начали отрываться крылья. Виманы, гремя маховиками, опускались всё ниже и ниже, а потом упали, так как рассыпались магнитные подшипники. Так мне сказали. Воздушное войско наше погибло почти всё. Отряды грасов и тунгов наступали двумя колоннами на город Гирхополеград. На них сбросили корегазовые бомбы, от которых все заболели корью и лишаями. Шестаки в чёрных плащах, в противогазах разъезжали по городкам и сёлам, отыскивая больных. Помогали добровольные помощники с барабанами и значками. Семья, которая укрывала больных, отправлялась полностью на строительство великого озера. Даже малые дети должны были выполнять норму. Если нет вы-

работки, нет и еды. Люди уносили своих больных родственников в горы, в лес, копали им землянки. Грасы бежали за море к Титагам, но и там их находили и продавали в рабство. Беглецов ловят по сей день и заковывают в цепи, если не могут уплатить штраф, который называли — «За давностью». Я нашёл хорошее место. Несколько семей мы перебрались за Розовый перевал, куда не долетали махопланы шестаков. Нас кто-то выдал. Шестаки сделали базу. Я предлагал своим друзьям напасть на склады питания, но они отказались. Я пошёл один. Начался ветер и камнепад. Меня засыпало снежной лавиной. Когда я смог выбраться, наш посёлок был разгромлен. Айкина я нашел в пещере с раненой матерью. Он был очень мал. Рос терпеливым.

— Неужели нельзя как-то сбросить этого тирана?

— Можно, — ответил Нонг. — Народ стал не тот. Шестаки кругом. Даже не подумаешь на человека, а он барабанит за миску каши, которую называем — «галиматья». Никому не верь, ничего не бойся, не проси милости, не удивляйся, когда тебя заберут. Хвали Гирха. Кланяйся его портрету и приседай, отдавая салют двумя руками.

— Я тебя научу, — проговорил Айкин. — Дед, а правда есть такое слово, которое поможет войти к Гирху. Секретное слово такое. Тебя арестуют, а ты прошепчи это слово на ухо шестаку, и тебя отпустят. ...Знать бы его.

— Ничего оно тебе не даст. Ты один. А я — старый весь уже. И оружие у нас старое.

— Василь, у тебя есть оружие, чтобы победить этого гнусного Гирха? Ты бы смог наш народ избавить от тирана?

Степиков вдруг подумал, что он должен вмешаться и сделать жизнь бедных грасов лучше и достойней. Но почему голувитовые зёрна превращаются в муку? А может быть это сказки. Нет никаких коробов. Нет никакого волшебства. Он не имеет права вмешиваться в историю этого народа. Даже помогать нельзя. Кодекс для всех один.

5.

Степиков заболел. Он летал над горами. Снег уже выпал. Матовый его блеск слепил глаза, хотя он и опустил на шлеме фильтр. Два солнца стояли друг против друга, постепенно прячась за горы. Пост был пуст. Связи не было. «Помехи, — утвердился в своих догадках Василий. — Кто-то или что-то мешает передатчику. Не Гирх ли? Средние века. А электрический фонарь? Откуда он мог здесь появиться? Квадратный, с отличным рефлектором и кнопками, меняющими цвет и мощность луча. Возможно, его крепили к шлему или он стоял на какой-то технике. Им пользуются уже много времени».

Выходя из лаборатории, Василий почувствовал, как заныла макушка, а в глазах поплыли чёрные круги. С трудом добрался до спального отсека, и свалился на кровать. «Какое лекарство может мне помочь? Что же со мной случилось? Что ел? Летал. Солнечное излучение? А если это влияние зёрен голувиты? Нужна консультация компьютера. Он определит, отчего заболела голова. Загляну в аптечку и поставлю диагноз. Что-то бок заныл. Вдруг тоже аппендицит. Вода и пища тоже могут аукнуться». Степиков поговорил со своими органами, постарался самовнушением избавиться от тупой боли. Превозмогая боль, Василий, попытался понять и разобраться с происхождением

зёрен. Положил зерно в капсулу-определитель, включил несколько поверхностных режимов. Шло время, а результатов не было. Тогда он занялся собой. Диагностика ничего внятного не выдала. Степиков не мог разобраться в рекомендациях, но понял одно, что нужно принять витамины и лежать. Приняв ароматических душ, Степиков уснул, подключив датчики к тем участкам тела, которые указал компьютер, отвечающий за здоровье космонавта. Спал он долго. Сны видел мягкие и нежные. Они успокаивали шумом дождя, музыкой ветра и шелестом волн.

Утром Василий читал выводы определителя и ничего не мог понять. голувита был назван минералом растительного происхождения. Он имел свою температуру, защитную оболочку и мог посылать направленное радиоизлучение слабой мощности, но большой плотности. «Мне с ними не разобраться. Эти зёрна не так просты, как мне показались. Предупреждает компьютер, чтобы я находку поместил в контейнер. Если старец не сочиняет, то кто-то нуждается в этих зёрнах. Они имеют ценность. Какую? Могут использоваться, как топливо, как энергетическое сырьё. Или, как поделочный материал. Возможны варианты, — сказал бы профессор Таранкин. Мне нужно сделать полное обоснованное описание. Сказки Нонга тут не в счёт. Нужно убедиться, что зёрна исчезают, а кто-то вместо них поставляет муку. С мукой с этой тоже нужно разобраться. Мучная страна какая-то. Как разобраться во всей этой ерунде.

Степиков решил самостоятельно вести поиск сведений, хотя это было запрещено. Ему нужно было дождаться Гордеева. Отправляться в поселения аборигенов в группе,

с опытными космонавтами, которые имеют навыки общения и поведения среди чужих. Сколько его ждать? Дни идут, а он не едет. Так можно и всю практику прождать коллег. Что же со связью? Антенны все на местах. О поломках была бы информация. С орбитальной нет известий никаких. Даже сводку погоду не могу принять. Новости в пространстве орбиталки должны передаваться. Ничего не знаю. Какие достижения имеет человечество. С кем есть контакты. Чем закончились споры на планете Клоунов. Как ведётся искоренение пиратства. Ничего не знаю и не ведаю. Одичаю тут, как Айртон, или как же его звали — не Крузо ли? Влип, как муха на липучку. Ничего не будет. Открытия засчитают, а за провинности слегка накажут. Смогу защититься самостоятельно, если вдруг пристанут шестаки. Скафандр только не надо снимать. Убивать он никого не станет, а лишь выключит сознание и обездвигит противника, внушая ему положительные эмоции. Гирха стоило бы заменить, но нельзя менять чужую историю. Люди сами должны разобраться. Тёмные и забитые. Они идут своим путём. Кто говорит, что он истинный и прогрессивный? Порядок нужно навести. Пусть люди живут и работают, согласно справедливым законам.

В диктаторы Степиков ты себя готовишь? Сделаешь переворот и станешь печатать свои портреты. Конечно, так нельзя развиваться. Сеять голувиту и получать от кого-то продукт. Мука у них и валюта, и пища. Нужна промышленность. Своя. А зачем? Ездют они на каких-то ишаках лохматых. В автомобилях не нуждаются. Тракторы им не нужны. Тупик какой-то. Железо у них есть. Умеют дома строить, украшения мастерить.

Новый приступ застал Степикова на подлёте к жилищу Нонга. Голова казалось распухает, а чёрные круги помчались с необычной скоростью. Опустившись на снег, Василий закрыл глаза. С трудом дошёл до двери. Крутой заснеженный склон, поросший светло-коричневыми кустарниками и деревцами багульника, выглядел необычно. Снег начал таять. Одно солнце уже висело над горами, а второе — было ещё в зените. День длился двенадцать часов, а ночь — шесть часов.

— Это ничего, — говорил старик. — Это хорошая болезнь. Она легко проходит. Сейчас мы её будем стирать. Лежи тихо и молчи.

Нонг укрыл его травяными дерюжками, и начал шептать заклинания, вода над лежащим руками. Чёрный котик с белыми лапками и кончиком хвоста забрался на кровать и, удобно устроившись у головы Василия, замурлыкал, поводя ушами. Теряя сознания, вдруг увидел белую птицу, похожую на морского альбатроса, парящую над вершинами гор.

Утром Степиков проснулся с остатками головной боли. Жить стало легче. Он выпил отвар из глиняной кружки, но вставать ему старик не позволил. Айкин жарил рыбу на камне. Нонг колдовал над котелком с кипящим варевом. В очаге горели жёлтые камни.

Перед едой старик просил у своего божества Иссо-неза радости и здоровья, благоприятной пищи. Степиков боялся есть чужую похлёбку, к которой он не вполне привык.

— Сын, принеси наш гранёный кувшин. Будем лечить гостя эжейкой, которую ты принёс из Лодайлы.

— И меня надо тоже полечить, — сказал Айкин весело.

— Будем лечиться, — вздохнул старик. — У меня тоже, что-то кости ломит. К бурану, должно. Хитёр, ох и хитёр, ты Айкин. Улыбаешься, как новый олик.

После сладковатого пива Василий почувствовал головокружение и странную лёгкость. Ему казалось, что вот сейчас он взлетит к потолку пещеры, по уступам которой разложены пучки трав и разная утварь.

6.

Болезнь возвращалась через каждые четыре с половиной часа. Степиков похудел. Лицо заросло мягкими рыжеватыми волосами. И всё же болезнь отступала. Боли в затылки смягчились. Их можно было терпеть. Ни одно из средств аптечки не помогало. В снах он видел себя освободителем грасов, раздающим беднякам муку. Даже строил планы похищения злодея. Вечерами включал приёмник, надеясь поймать хоть какие-то сигналы с орбитальной станции, но эфир выдавал треск и пiski, которые не поддавались расшифровки. «Где же добрый Гордеев, почему его так долг нет. А если я залетел на другую планету? Тогда как бы я попал на пост? Они все одинаковы. Челнок сбился с курса. Только так можно объяснить все эти странности. Тогда бы меня искали. Обязательно пришли бы сообщения. Компьютер сломался. Или специально со мной шутит? А что если меня просто проверяют, — пришла Степикову мысль, — создали ситуацию. Никаких Гирхов тут нет. Нонг и Айкин играют роль моих помощников, советчиков, спасителей. Залетел же я в ловушку. Как тупой последний школьник. Мог бы, и умереть, но

они нашли меня и выходили. Они и есть члены станции. Они коллеги. Это спектакль. Вот оно что. А операция? Это не так. Я попал на обитаемую планету».

Айкин был заботлив и весел. Иногда его внимание к Василию становилось навязчивым. Степиков несколько раз объяснял, что приятна его забота, но он уже почти здоров, а поэтому не стоит поклоняться, будто бы он неизлечимо болен.

— Ты мой самый лучший человек, который сделал меня уверенным в себе и счастливым. Я хочу тебе помочь. Если смогу, то отправлюсь в замок Гирха. Ты во сне говоришь о нём зачем-то. Ты удивительный человек, Василе. Я рад, что встретил тебя.

...Пишут ведь. Своя письменность. А это что-то значит. Развиваются. Даже своя идеология есть, если власть не сменилась, пока Нонг в горах жил. Нужно попасть в столицу этого странного государства. Как они себя называют? Неплохо бы побывать у других народов, что живут по соседству. Титаги умеют ловить рыбу и строить суда. Облучился головитой и башка пошла набекрень. Я — космоботаник. Всё. Остальное меня не должно касаться. Контакты — это не моё. Пусть этими вопросами занимаются специалисты. Мне нужно одно — разобраться с голувитой. Одному трудновато. Айкин бывает в селениях. Он знает обычаи. Нужны какие-то документы. Посмотреть бы на эти паспорта и свитки. Как они выглядят. Узнать бы, как одеваются в городах, что носят в праздники. Мне нужно одеться, чтобы меня не могли отличить от местных. Поймают и отправят копать траншею или в рабство продадут. Вот будет смеху. Ничего смешного. Будешь рыть,

как и все, а потом с голодухи откинешь шлем. Отправимся сначала на разведку. Башка вроде перестала болеть. Одному скучно, а бездельничать и того мучительно.

— Какие подарки могут заинтересовать горожан и шестаков? Что можно хорошо и выгодно продать или обменять? — спрашивал Василий Айкина. Тот охотно отвечал, рассказывая о пристрастиях зажиточных барабанцев. Деньги были в городах, но их брали неохотно. Торговля в основном строилась на обмене. Кто-то приносил на торжище рыбу, хотел получить за неё муку или прочные нитки. Часто люди не могли получить то, что им нужно. Брали предлагаемое, потом это меняли на что-то иное, чтобы на следующий день обменять на то, что необходимо. Были лавки ювелиров, аптекарей, оружейников, тележников. «Мукой рассчитаться можно за всё, — говорил Айкин. — Она измерялась оликами — такими стаканами, которые не могли быть и не меньше и не больше, установленного размера. Некоторые шестаки контролировали меры объёма, веса и длины. Есть люди, которые занимаются диковинками. Их зовём копачами. Они роют шахты, ныряют в море, чтобы найти какую-нибудь диковину. Никто не знает, где они их берут. В тайне держат свои места. Я сменял этот фонарь у одного пьяного копача. Шестаки отбирают вещицы, поэтому меняют тайно. Их видно. Большинство из них долго не живут. Руки у них в язвах. Некоторые теряют рассудок, становятся чужими — ненормальными.

— Как это? — удивился Степиков.

— Заговариваются. Несут такую ерунду, что лучше не слушать. Белую птицу они называют воздушным ко-

нём. Гирха называют шпионом, прилетевшим с неба. Будто его привезли в коне, который летает по небу.

— Значит, белая птица и воздушный конь — одно и то же?

— Копачи так считают. Они все больные. Дядя Валок говорил, что они раскапывают чужие могилы и обирают мёртвых. Тут есть за городом Барпо кладбище старинное. Там похоронены Иные люди. Они залетели к нам случайно. Сломалась у них вимана, а сделать её не смогли. Так и жили тут, пока не умерли. Они вроде как были сделанные. Не Иссонез их создал, а кто-то другой. Они не давали потомства. Были добрыми и умными, но разговаривали тихо, посвистывая, как дети дуют в свистки, так и они общались. Копачи находят ихние вещи и торгуют на торгах.

— Интересные истории ты рассказываешь, — сказал Василий, приподнимаясь на ложе.

— Ты тоже прилетел на воздушном коне? — осторожно спросил Айкин.

— Это мы называем космическим паромом. Я — учусь в учебном заведении. Ты называешь баруга. Меня послали сюда старшие товарищи изучать растительный мир. Растения ваши. Но никто не знал, что ваша планета заселена, что у вас тут правит Гирх, который заставляет выращивать голувиту и рыть траншеи. Мне сказали, что тут никого нет. Оказывается, что тут живут хорошие люди. Вот мы и встретились.

— Отец говорит, что ты настоящий. Тебя послал к нам Иссонез, чтобы ты помог нам сделать нормальную жизнь. Ты бы мне помог. Я незнаю, что делается в городе. Жалко Лемму и её братишек. Отец у них потерялся. Шес-

таки арестовали и продали в рабство. Строит, поди, траншею. Нет. Тогда бы он сообщил. Убили. Почку забрали или глаза. У нас такое бывает.

— Мне бы хотелось увидеть ваш город, посмотреть на Гирха. Хочу записать на аппарат какое-нибудь шествие барабанцев. Научи меня, как себя вести среди людей. Обязательно нужно разобраться, откуда появляется мука.

— Нельзя. Пробовали. Все погибли. Это очень опасно. Люди залезали в мешки с зерном и улетали. Никто их больше не видел. ...Следили за мешками. Они улетают вверх. А потом появляются короба. Много муки.

Никто не слышит и не видит, как они падают. Тебе нельзя этим заниматься. Мне будет плохо, если ты тоже исчезнешь. Я буду виноват в том, что не предупредил тебя. ...А я боюсь за тебя. Ты бы мог стать нашим правителем. Тебя полюбят и поддержат. Не все, но многие бедные люди. Титаги согласятся нам помогать, если ты им будешь давать больше муки.

— Я же тебе говорил, что мне нельзя этого делать. Мне нужно ещё учиться, не гожусь я в диктаторы. За меня не бойся. Я не полечу. Только установлю приборы, которые сами расскажут, куда исчезает голувита. Им ничего не будет. Они прочные.

Вошёл Нонг с вязанкой хвороста. Положил на стол короб. Началась весна. В ручьях, которые стали полноводными, появилась крупная рыба, запели птицы, листва украсила ветки деревьев и кустов.

— Отец, нам пора бы отдать голувиту дяде Валоку.

— Пора. Надо тебе к невесте зайти. Узнаешь, что с ней. Согласится ли мать отдать к нам в горы помощницу

свою. Я не думаю, что она обрадуется твоему приходу. ...Почему так считаешь? Незнаешь. А я знаю, что Лемма работает у богатых барабанцев, получает муку. Как бы они её не уловили в свои сети. Может быть, и у неё есть свиток, в котором отмечаются подлости.

— Нет, нет. Этого не должно быть, — загорячился Айкин. Старик пожал плечами и пошёл на улицу чистить рыбу. Степиков подумал, что возможно Нонг и прав, но ему захотелось помочь расстроенному парню.

— Что можно выгодно продать или сменить на торжище в городе? — спросил он, глядя в глаза подавленному другу.

— Украшения необычные. Диковинки всякие. Непривычные штуки вызовут интерес. Я как-то маски вырезал чудовищ для карнавалов. Продавал дядя долго, но подал все ж. Балы Гирх проводит часто. Маскарады. У него есть свои изготовители масок. Продают же маски другие. Деньги забирает почти все. Мастерам достаются крошки.

— Мы что-нибудь придумаем такое, что весь богатые народ ваших городов заинтересует. Вот только чем его заинтересовать? — проговорил Степиков озабоченно. — Растрясут свои запасы. Увидишь.

С утра Василий и Айкин начали готовиться к походу в город. Степиков плавил камни «эмлучом», заливал плоские глиняные формы, а потом обрабатывал до зеркальной поверхности полученные заготовки, вырезал отверстия. Получались пуговицы, шарики и заготовки браслетов и бус. Айкин вставлял в отверстия прочные бечевки. Степиков пытался подбирать камни и песок разных цветов и оттенков, чтобы браслеты и бусы выглядели нарядно.

После обеда приятели попытались сделать пряжки для ремней, но изделия получились непрочными. Василий взялся изготавливать из кусков камней миски, вазочки.

— Сделай птицу, — проговорил Нонг. — У тебя хорошо получалось. Мы её покрасим в белый цвет.

Парень принялся мять кусок воска. Вскоре Василий увидел взлетающую с камня ширококрылую птицу. Айкин поплевал на заострённую палочку, начал прорабатывать перья, лапы и глаза. Степиков удивился мастерству, взялся замешивать глину, чтобы сделать форму.

— Кто тебя учил лепить?

— Сам. Зимой сидел у огня и лепил животных, птиц, рыб.

— Талантливый ты человек. Мастер. Я так не умею. Слепи, какихнибудь чудовищ страшных, — Степиков аккуратно залил жидкой глиной восковую модель, вставил палки, чтобы в высохшей глине остались отверстия, из которых выльется при нагревании воск, а в образовавшуюся форму можно будет залить расплавленный песок.

«А что если плавить куски пластика, что он видел у ручья в первый день. Они намного прочней, чем камни. Посуда будет вечной. Она может быть и опасной для здоровья, ведь пища, которая станет находиться в такой тарелке, вполне может получить и какой-нибудь неприятный привкус. Может быть опасным и дым. Надышимся с Айкином и отравимся. Пусть они лежат. Не буду трогать этот сор».

— Хватит изделий, — сказал старик. — Отберут шестаки. Ничего не сможете им сделать.

— Зря так говоришь. У Василия не отберёшь. Он сильнее всех. Пусть даже нападут сто подлых подлецов, он их победит, — проговорил Айкин задорно.

7.

День только пытался начинаться, а приятели уже шагали по каменистой дороге. На них были серые длинные балахоны с остроконечными капюшонами. Вдоль дороги в туманной дымке просматривались кусты, отдельные деревья. Степиков внимательно следил за фигурами, которые возникали впереди. От них пахло луком и чесноком. Не зря старик заставил их съесть по два зубка этого едкого овоща. Низкорослые люди были в таких же балахонах. Одни катили тачки с поклажей, другие — несли мешки на плечах. Раздавался шорох шагов. Люди молчали.

Степиков смотрел на тающие звёзды и думал о станции, о встрече с незнакомой Леммой. Обозначились просторные поля. Туман, поднимающийся над рекой, на глазах окрашивался в светло-лиловый цвет. Дорога заметно стала поворачивать к реке. Дальние вершины гор слева терялись в серой дымке. Небо начало розоветь с двух сторон. Первое солнце должно было выйти справа. Потому что эта часть неба светлела быстрее.

Айкин сошёл с дороги, направляясь к каким-то буграм. Бахилы начали шлёпать по грязи. Неприятный запах ударил в нос Василию. Ему пришлось защититься специальной повязкой-противогазом. Айкин тряхнул головой, прижал к лицу кусок тряпицы. Бугры оказались землянками-берлогами, у которых сутились люди, в редких светящихся оконцах мелькали тени. Парень уверенно брёл по

грязи. Степиков старался не отстать от него. Впереди показались очертания моста. Блестело пламя костра. Раздавались громкие голоса. На реке темнели плоты и лодки с рыболовами. Уже можно было различить каменные здания на противоположном берегу. Окна нижних этажей были прикрыты ставнями. На плоских крышах изредка появлялись фигуры и почти сразу пропадали.

Лачуги кончились. Айкин снял с лица тряпицу. Ребятишки размахивали удилицами, стоя на больших валунах. Неподалёку паслись на лужайке низкорослые ушастые животные. Их можно было назвать муффонами или горными яками, но головы у них могли сойти за лошадиные.

В городок можно было залететь на поясе, а не месить вонючую грязь. Айкин предлагал войти в город постепенно, узнав, что там творится, какие мероприятия проводятся в тот день, чтобы не вызвать подозрения у соглядатаев и обывателей. «Что может быть такого, что нам навредит? — спрашивал Василий. — Мы будем осторожны».

— Наш родственник живёт недалеко от главной площади. Он рисует портреты знатных дам. Его жена делает причёски и торгует лекарствами от тоски и горя. ...Это такие капли и порошки. Выпьешь одну каплю с водой и станет тебе весело и никакие заботы тебя уже не трогают. ...Не пробовал. Очень дорого. У меня денег лишних нет. Зачем мне эта глупость. Пусть богатые покупают себе счастье и веселье. Вот если бы у нас были барабанные книжки, тогда мы ничего не боялись.

— Мне бы посмотреть, — сказал Степиков. — Узнать из чего они делаются. ...Давай отдохнём.

Не успели разведчики достать варёную рыбу и листья капусты, как к ним подобралась миловидная молодая женщина в грязном платье и ветхих ботинках.

— Бродяги из деревни, — ласково проговорила она. — Как от вас несёт чесноком. Зачем вы его едите?

— А вот, — развёл руками Айкин, продолжая вынимать пучки травы. Видя, что девица намеревается присесть рядом, он сказал: — Иди себе. Мой брат болен плохой болезнью. Может к тебе перейти. Тогда не обижайся. Не говори, что не предупредал.

— У меня свои болезни. Мне ваши не нужны. ...Лечу. Но редко. Денег нет. Бесплатно уже не лечат девушек.

— Сегодня нас примут в здравнице? Осмотреть бы его надо. Он молодой. Его станут лечить.

— Не уверена. Одеты вы плохо. Нужно хорошо одеваться, когда к здравнику идёшь. Прогонят вас даже в новой здравнице. Завтра принимают бедных. Сегодня на площади карнавал. Вон и виманы полетели. Охранять станут площадь парадов.

— В честь чего праздник у нас? — спросил Айкин, протягивая девушке рыбину. — Берите, мама готовила. Не бойтесь.

— Я бы вас отблагодарила, мальчики, да нельзя мне уже. Облава была в прошлом месяце. Нам всем сделали операции. Теперь мы — никто. И детей у нас не будет, и на работу не пойдёшь, — девушка заплакала, закрыв лицо руками. — Работа была одна, а теперь ложись и вытяги-

вайся. ... Хотела наняться в работницы. Никто не берёт. С моим-то паспортом, кому нужна такая. В шестаки не пойду. Лучше умереть.

— Поехала бы в деревню. Тебе общество поможет построить домик. Будешь полезное делать. Выращивай овощи, шей одежду, пой.

— Разве что петь, — вздохнула девушка и, закрыв сиреневые глаза, запела тонким протяжным голосом. Степиков поёжился. Звучание песни было таким необычным и странным, что он беспокойно заоглядывался.

— Пошли быстро. Это она сигнал кому-то подаёт. — Сказал Айкин. — Всё врёт. Ты поверил? ... С такими держи ухо пикой.

— Куда? Мальчики? — кричала девица вслед, размахивая руками.

— Полетим обратно, — предложил Степиков. — Завтра вернёмся. Бал кончится. Охраны будет меньше.

— Надо к Лемме попасть, — сказал Айкин.

— Что не даёт? Маршрут ты мне нарисовал. Пойдём за эти кусты. Никто не заметит, что мы улетели. Ты боишься высоты? Закрой глаза.

Парни спустились с обрывистого берега к воде. Сели на корягу. Айкин снял свой грубый плащ и закрыл Степикова, который встал на четвереньки. Взгромоздившись ему на плечи, ухватился за приготовленные шнуры. Странная фигура приподнялась над берегом и растаяла в воздухе.

Гирхополь был одним из десяти городков страны Тырлами. Почти ничем они не отличались друг от друга. Василий полетал уже над всеми. Два городка выросли

в распадках горах. Хантра — стоял на берегу моря в устье реки Долетти. Видел он и глубокие широкие траншеи, людей, копающих оранжевую землю, лопатами. По доскам землю везут тачками сотни человек. Живут бедняги в норах, которые сами выкопали в белых утёсах ракушечника. Попутно копатели находят самородное железо. Неподалёку дымят печи. Идёт плавка.

На берегу пруда, заросшего высокими кустами ивы, Степиков опустился на крохотную полянку. Айкин повалился на траву и тихо рассмеялся. Сверху он видел домик семьи невесты. Она стирала бельё в корыте. По маленькому дворику бегали два мальчугана с палками. На огороде копала грядки приземистая женщина. Хитрый Айкин предложил набрать хворосту.

Они вошли в узкую улочку. На двух столбах справа и слева в огромных рамах Степиков увидел два одинаковых портрета милого измождённого человека с большими тоскующими глазами, наполненными невыразимой болью. Айкин положил вязанку хвороста и оглянулся на спутника, приглашая последовать его примеру. Василий развёл руки в стороны и трижды поклонился каждому портрету. Теперь нужно было согнуть руки в локтях, подняв их вверх. Ладони при этом должны быть повернуты в сторону портретов Гирха. А это был он — Добрейший из Могущественных. Василий почувствовал пристальные взгляды. За ними следили. Возможно из окон невысокой башни, стоящей на пустыре у высокой запруды. Проделав ритуал приветствия и почтения правителю, путники подняли вязанки и принялись стучать в калитки, предлагая хворост. Везде их встречали настороженно и отказывались

что-либо покупать или менять. Степиков рассматривал рядки домов, выстроившиеся вдоль берега пруда. Это была окраина города. Дорожки вдоль низких одинаковых оград были чисты и ровны. Ни рытвинки, ни травинки. Но в ухоженных двориках росли лиловые и белые цветы, зеленели широколистые растения, похожие на лопухи. Большими мячами ровными рядами росла капуста. Степиков удивлялся порядку и единообразию. В одинаковых огородах росли одинаковые овощи. По узким арыкам текла вода. Шелестели прозрачными крыльями стрекозы. В клетках сидели и ели траву ушастые создания, напоминающие кроликов. В двориках женщины и дети плели циновки, что-то крошили узкими ножами, раскладывая на такие же циновки кусочки тыквы или кабачков. «Вероятно, сушить, — подумал Василий, отходя от очередной калитки. — Работают молча, быстро, словно автоматы. Почему-то не видно мужчин, подростков. Дети и женщины».

Дома из голувитовой соломы выглядели почти игрушечными. Крыши у всех конические. Глинобитные трубы красного цвета. Дома не имели углов. Каждый домик представлял собой овал. Лишь в отдельных хижинах поблёскивали в окнах стёкла. Василий внимательно рассматривал, как делались стены, как крепилась крыша. Он понял, что сначала плели циновку, а потом ставили её вертикально и соединяли края. Для двери оставляли место, а возможно пропиливали. Полотно двери подвешивалось, и его нужно было сдвигать в сторону, чтобы войти.

— Здесь живут рэли. Они выращивают овощи. Это бедные, но горожане. За прудом живут зажиточные барабанщики. Они могут покидать свои жилища, участвовать в

балах, — рассказывал Айкин. — Дети могут учиться в баругах, получать нужные специальности. Воду из пруда получают бесплатно, а рэли платят.

— Где мужчины и подростки?

— Они работают на полях. Голувиту сеют и убирают. Сейчас они ухаживают за посевами, убирая сорняки.

У изгороди одного участка Айкин остановился. Начал предлагать дрова. Девушка в серых шароварах с красными болтающимися кисточками на уровне коленей, подняла голову и внимательно посмотрела на говорившего бирюзовыми глазами. Её широкое лицо покрывали веснушки. Рыжие волосы, перевязанные белой тесьмой на макушке, пышной волной спадали на спину. Мальчики внимательно осмотрели стоящих и позвали мать.

— Дрова нужны. Я сама с братьями хожу собирать.

— Не хочешь узнать меня? — удивился Айкин. — Или я очень изменился?

Девушка опустила голову, начала вытирать руки о полы длинной кофты неопределённого грязно-зелёного цвета. На рукавах были нашиты толстыми разноцветными нитками замысловатые узоры. Появившаяся женщина с корзиной некрупных круглых плодов, пригласила гостей.

— Нужно приглашать во двор, а потом и разговаривать, — сказала она радостным тихим голосом. Степиков заметил, как женщина повела глазами в разные стороны и пригласила жестом следовать за ней. Парни бросили вязанки и подошли к домику. Айкин начал снимать свои бахилы. Степиков последовал его примеру. Женщина что-то сказала. Девушка принесла глиняный ковш и начала поли-

вать Айкину на руки. Они умывались над ёмкостью, вкопанной в почву.

— Спроси, как называется это растение, — прошептал Василий, когда они входили в домик. «Люди, как люди. Ничего странного или непонятного. Два глаза, две руки. Язык другой. Это — естественно. Всё у них, как у нас. Дети на палках сражаются. Я тоже в детстве с друзьями палками размахивал, представляя себе, что это мечи или сабли».

Айкин принялся выкладывать продукты, мешочки с голувитой. Женщина ссыпала зёрна в высокие кринки, доставая их из-под кровати. Василий отметил, что стены обмазаны глиной и побелены розовой краской. На одной стене висел небольшой портрет Гирха. Выражение его лица было скорбным. Домик поделен на две комнатки. Вероятно, во второй половине спали дети. Девушка ставила на низкий стол миски, крошила листья, посыпала их какими-то специями. Резала что-то белое, напоминающее брынзу. Василий хотел попробовать неизвестные кушанья, но боялся, как бы желудок не воспротивился. Он выложил на столик свои пироги с паштетами, десяток котлет из белкового витаминного мяса, печёную рыбу, которую ловил с Айкином ловушками в ручье.

— Это мой друг, — пояснил Айкин. — Он упал со скалы, когда собирал мёд. Стал немного больным. Поэтому плохо разговаривает, но всё понимает. Он хороший. Ему нужно верить. Не бойтесь его. Он не умеет барабанить.

— Это хорошо, — сказала женщина. — Давайте примем еду, что послала нам Иссонез. ...Мальчишки по-

том поедят. Пусть посмотрят за дорогой. Нельзя, чтобы во дворе было пусто. — Женщина прошептала какие-то заклинания, вздохнула и предложила Степикову нечто напоминающее крохотную булочку. Айкин кивнул головой, дескать, ешь, ничего не будет. Булочка оказалась мягкой и вкусной. Он долго её жевал, пытаясь понять, из чего её могли выпечь. По просьбе Степикова девушка отнесла мальчикам по пирогу и по котлете. Лемма ушла и занялась работой.

— Пусть она тоже ест с нами, — сказал Айкин. — Почему она ушла?

— Не положено девочке сидеть за столом с чужими парнями. Могут набарабанить соседи. Совсем не стало жизни.

— На короткое время...

Лемма вошла. Остановилась у низкой двери, теребя кисточку на поясе кофты. Посмотрела на мать своими необычными для Василия сиреневыми глазами.

— Тётя, Аста, прошу отдать мне в жёны Лемму. Я буду ей заботливым человеком. У вас должны быть внуки. Мы будем помогать вам. Это вы можете сменять на муку. Передадите дяде Валоку. Или я завтра сам отдам ему. Сегодня на площади бал. К нему не попасть просто. Лучше я сам ему отдам. Чтобы вам не рисковать.

— Что это? — удивилась женщина. Айкин развязал мешочек и высыпал на стол пуговицы и разные фигурки из камня. Мешочков было несколько. Парень не стал всё показывать. Аста, скрывая изумление, потрогала каждую вещь.

— Лемма, будь моей помощницей. Ты меня знаешь. А это тебе, — Айкин подал девушке браслеты и нитку мелких бус из разноцветных камней. Девушка взяла браслеты. Она не знала, что ей делать. Такого богатства не было ни у кого из её подруг. Айкин ей нравился, но жить далеко от родителей она боялась. Думала, что парень живёт далеко за городом, в какой-нибудь глухой деревне на берегу реки. Ведь он постоянно приносит рыбу.

— Мама, скажи, как мне поступить?

— Решай сама. Ты свободная девушка. Мы не продаём тебя. Айкин дальний племянник сестре брата отца. Мы уже говорили с ней. Был бы человек хороший. Почему не пришёл наш родственник Нонг? Заболел.

— Нет. Он поставил много ловушек на рыбу и зверьков. Жарко. Рыба может пропасть. Гундрицы стали попадать часто. Он хочет сшить мне шубу и шапку. Он уже выделал десять шкурок. Думаю, что Лемма станет хорошо ходить в шубе зимой. Какая крата? Это ерунда. Напрасный страх. Я — как рели. Как все другие. У меня всё в порядке. Документы дядя Валок поможет оформить у вашего поселкового ранди. Он знает подход к этим богачам. Ему я тоже подарки сделал. Суеты не будет у вас.

— Я — не возражаю, если всё так, как ты сказал. Украшения ей нельзя носить. Только дома, только во дворе.

— Мама, кто увидит?

— Дочка, дочка, всё видят, всё слышат. Жить будете в землянухе? Или домик построил?

— У нас большой дом. Мы его разделим с Нонгом на две половины. Сколько комнат нужно Лемме, столько бу-

дет убирать. Он не возражает. Он рад будет Лемме. По праздникам мы станем приходить к вам в гости.

Лемма, прижимая ладони к пылающим щекам, выскочила, начала тормозить братьев, которые были намного младше её.

После обеда женщина предложила отдохнуть. Она раскатала циновки и ушла в дворик к дочери. Айкин сортировал по мешочкам подарки, Василий записывал впечатления от посещения посёлка. Мальчуганы вошли тихо. Без слов сели у стола и принялись есть, изредка перешёптываясь.

— Нам нужно уйти, — уныло сказал Айкин. — Соседи видели нас. Донесут о том, что мы остались ночевать у рели. Это им не разрешается. Нужно зарегистрироваться у старосты поселения. Въедливый старикан. Будет спрашивать, будет выведывать. Взятки не берут они. Такие люди. Мы сейчас уйдём, но вернёмся к вечеру с новыми дровами, нам нужно, чтобы нас видели. Мы пришли — мы ушли.

— Давай слетаем к твоему дяде. Бал кончился.

— Бал кончился. Он, поди, напился дармовой эжейки и спит. Ну, давай. Может быть, и не спит.

— Сядем на крышу его дома. Никто нас не увидит. Тихо проберёмся. Поговоришь. Отдашь поделки.

— Переодеться бы надо. Балахоны носят грасы...

— Тебя же он знает. Какая разница, в чём ты придёшь в гости. Важно — с чем.

7.

Дядя Валок — оказался полненьким старичком с пухлыми ладошками. Сначала нахмурился, увидев незва-

ных гостей, потом изумился. Рассматривая статуэтку, всплёскивал руками, восклицал:

— Только посмотри, Дага, просто чудо из чудес! — пожилая женщина в строгом чёрном костюме сначала кривила тонкие губы, но, взяв Белую птицу, даже перестала дышать от восторга.

— Сам сделал? Из чего? Украл? У кого? — посыпались вопросы.

— Это мой друг сделал. Он мастер, — сказал Айкин.

— Можно было и лучше, — проговорила ворчливо женщина. — Я видела такую, но только больше и симпатичней.

— Мы пойдём к дяде Эрку. Он разбирается в статуэтках. Даст настоящую цену.

— Не спеши, дорогой, давай вот выпьем эжейки. ...Не пьёшь. Правильно. Давай я тебе дам немного денег, но много муки. А ты мне ещё сделаешь птиц. Пять.

— Хорошо, — согласился Айкин. — Он сделает десять. Только тебе дядя, нужно оформить документы на Лемму — дочь Латика, что живёт на плотине. Они и ваши родственники.

— Тихо. Сделаю. Дага, наш племянник женится. Готовь чего на стол. Я бы пошёл сватом. Не могу. У нас разные краты. Погуляли бы мы. Ладно всё оформлю. Не умеют жить. Вот и ютятся в хижинах, как нармоки. Барабанили бы чаще. И дети жили как надо. Я вот вступил в ВДБП, мои дети на хорошем счету. Они работают в канцелярии Совета города. У нас в каждой комнате портреты Добрейшего из Мудрейших. Вы же забыли провести ритуал поклонения. Не отдали чести, когда вошли. Это не про-

стительно. За это каждый обязан на вас побарабанить. Но я этого не сделаю сегодня. Не забывайте, когда выйдете на улицу.

— Спасибо. Не забудем. Устали с дороги. Столько времени шли. А это вам за доброе сердце, — сказал Айкин, вынимая вторую птицу. — А это на продажу. Двести оливок муки.

— За всё? — удивился старичок. — Только сто. Грабишь. Родного дядю.

— Дядя, вы же понимаете, что всё это стоит больше тысячи. Вы не были таким жадным. Что с вами случилось? Придётся мне всё отдать в лавку Ости. Родного племянника обманываете.

— Я — рискую. Эти вещи так хороши, но мне придётся врать, что купил их у Титагского коммерсанта, который приезжал сегодня. Ты меня должен понять. Не могу же я сказать, что ко мне тайно приходит родич, сын тех, кто выступал когда-то против Талора младшего. Если сказать, что против нынешнего правителя, то нас обоих отправят рыть траншею на южную границу.

— Раз вы боитесь, я ухожу. Не буду вас подвергать риску. Забираю всё. Пойдём, мастер. Нас тут не понимают.

— Куда же вы на ночь? — удивилась женщина. — Оставайтесь.

— У нас есть документы, — сказал Айкин.

— Они теперь другие. Старые паспорта заменили недавно. Взгляни, Айкин, вот тебе бы белый рулончик не помешал, — дядя Валок достал из шкатулки розовую квадратную картонку и узкий свиток, перевязанный белой

лентой. Степиков внимательно стал их рассматривать, приготовив съёмочный аппарат. На улице раздались крики. Айкин забеспокоился.

— Дядя, несите мешок с мукой, отсчитайте деньги. Нам ещё нужно встретиться с одним знакомым. Берёте или нет?

— Беру всё. Сейчас. Вот деньги. — Мужчина тянул время. Это было заметно по его поведению. Степиков понял, что дядя пытается устроить что-то не очень хорошее. Он поделился предположениями, что вызвана охрана. Он пытается их сдать властям.

— Дядя, если ты затеял недоброе, я никогда не приду к тебе. Ты ничего не получишь. — Айкин принялся собирать в котомку изделия. Женщина вдруг заговорила с какой-то злостью.

— Захотел получить барабанные привилегии? Ты хочешь отправить на траншею родного нашего племянника? Не ожидала от тебя такого жеста. Ну да ладно. Захотел очернить своё имя? Что же — черни. Только я тебе не помощница.

Василий осмотрел стены дома. Чтобы выбраться, он вырежет простенок, а на двери поставит защиту, чтобы никто не мог войти, если появится стража. Женщина открыла шкаф, выволокла два больших узких мешка. Мужчина пытался препятствовать. Она его оттолкнула на диван.

— Подлая душа. Ты потом будешь хвататься за свою глупую голову. Берите, мальчики. Здесь немного больше. Ваши поделки стоят очень дорого. А вот деньги. Бери. Айкин. Он хороший. Перебрал маленько на балу. Я всё

сделаю. Выправлю документы. Только ты не обижайся. В следующий раз принеси побольше браслетов, ожерелий. Они очень красивы. Знатные девушки будут завидовать друг другу. Я куплю тебе мастерскую. Работайте. А я стану продавать статуэтки. Эти страшные звери будут стоить очень дорого.

— Хорошо, тётя Дага. Спасибо вам за всё. Кто-то сюда идёт. Я слышу топот ног. Они близко. Неужели он вызвал шестаков?

— Это просто облава. Не бойся. К нам не зайдут.

— Кому ты веришь? Молчи. Мешка им хватит. Не унесёт. Отнимут на улице муку и деньги, — загорячился мужчина, вставая. Айкин положил квадратные монеты в карманы. С трудом взвалил на плечи мешки. Степиков последовал за приятелем, приготовившись попробовать защиту от нежелательных сближений. Ворча, за ним поплёлся мужчина.

Было предвечернее время, когда свет угасал, а ночь только начинала заполнять улицы и переулки. Сжатое пространство защищало ребят от чужих глаз. Его не могли пересечь стрелы игломётов.

— Удержишь? — спросил Степиков, кивая на мешки. — Помчались.

Василий ориентировался на прямоугольный пруд. Тёмные лодки рыбаков усеяли почти всю поверхность. Ночью разрешалось ловить рыбу. Но только тем, кто купил разрешение на лодку, на снасти. Это было не очень дорого, но денег зерноводам не платили. Расчёт производился мукой. Мужчинам и подросткам ставили в специальные книжки отметки о сделанной работе. У каждого

был свой участок. Чем больше будет выращено голувиты, тем выше будет оплата. Но она не могла быть выше утверждённой. Если человек болел, ему должна была помогать община посёлка, чтобы он мог сдать свой план.

Предприниматели опустили на грядки. Айкин сел на мешки.

— Чуть не уронил. Надо было привязать к себе этот груз. Давай в склад занесём. Чтобы мальцы не видели. Могут разболтать. Один мешок заберём с собой. Отец обрадуется. Согласен?

Из двери шагнул к доbytчикам высокий мужчина.

— Вон кто тут шарится. — радостно проговорил человек. — Мы ждем, не дождёмся. Что это у вас? — шёпотом спросил он, подходя ближе.

— Это вам мука. Можете есть, можете менять. Документы на отъезд Леммы сделает Дага. Она известит вас. Или я приду. Если смогу до снега. Как вам удалось спастись? Сказали, что вы погибли на стройке.

— Хорошие люди выходили. Болел долго трясулией. Зачем нам столько муки? Это подозрительно. Мы не можем быстро разбогатеть. Мои парни работают быстро. У нас хорошие результаты. Мы — лори. Этим всё сказано. Выкупиться из этого сословия никто ещё не смог. Так и уйдём в мир иной. Жениться можно только на своих. За муж из высшего круга не возьмут. Кому нужна девушка без розового паспорта?

— Вы согласны отдать Лемму за меня? Что решили? — спросил Айкин.

— Незнаю что сказать. Жена не против, но боится. Отправят тебя на траншею. А ей как жить без хозяина?

— Не отправят. Я куплю документы вам и себе. Будете жить в доме из камней. Станете заниматься ремеслом.

— Нет. Мы привыкли жить в своём обществе. У нас тут друзья. У нас тут нет барабанщиков. Староста должен барабанить. Мы ему разрешаем. Что с нас взять. Вот если бы ты захотел вступить в зерноводы. Тогда было бы просто. Наша община приняла тебя.

— Хорошо. Я согласен. Но как я могу оставить одного Нонга? Он вырастил меня, научил всему.

— Так ты не в деревне живёшь? Вы разве не рыболовы? — удивился Латик. — Ты всегда нас рыбой снабжал большой и вкусной. У нас в пруду такой нет.

— Что-то ты темнишь, дядя Латик. Ты всё знаешь обо мне. Ты боишься?

— Кто не боится за своего ребёнка? Когда тебя привезли избитого с поля, стали выхаживать, мы с женой увидели, что ты самого низкого сословия. Тебя сделали ребёнком-рабом. Тебе нельзя иметь детей. Твои родители высокородны, но вне закона — смутьяны, за это их лишили всего. Они умерли в тырбуке, а тебя выбросили. Но ты спасся.

— Не так. Мои родители были последними кравелами. Они жили на поселении. Потому что сопротивлялись появлению нового правителя. Их арестовали ночью и увезли в каменоломни. Оттуда они руководили восстанием. Мальчиков воровали, делали операции. Их не убивали. Их делали рабами. Без семьи, без продолжения рода. Вот так. Я берегу печать совета кравел. Придёт день, мудрейший вампир, присосавшийся к народу, получит под зад и отправится к себе домой. Он приехал из-за моря. Его

выгнали из страны Титагов, как преступника, который грабил путников на дорогах. Сначала он жил на острове. Потом захватил корабль, прибыл к нам, как купец. Об этом не помнят и не хотят помнить. Он сверг наш совет. Отец сопротивлялся. Вы это должны помнить. Восстание помните. Родителей освободили. Была война. Отец и его друзья проиграли. Наш замок стоит в центре города. В нём живёт семья главного хранителя казны, который у нас был поваром.

— Тише говори. Услышат. Я всё знаю и помню. Береги печать.

— Ты забыл, как слуги Гирха ловили девочек на поле, чтобы отвезти к нему на потеху? Вы стояли и смотрели. У вас были серпы и цепи. Их было только пятеро, а вас два десятка. Вы были сильные и молодые. Я знал, зачем Гирху девочки. Он спал между ними, чтобы омолаживаться. Ему меняли кровь ваших детей. Вы боялись.

— Да, да, да. Ты бросился на них с палкой...

— Меня научил работать шпагой Нонг. Он многому меня научил. Нонг был начальником школы мастеров фехтования. В горах он готовил парней, которые будут драться за свободу своего народа.

— Ты палкой победил всех, но и тебя ранили. Мы спасли тебя.

— Это Лемма спасла меня. Она не испугалась. Она спрятала меня в скирде соломы. Вам было стыдно. Вы стали лечить меня на поле. Так мы и подружились. У вас хорошая дочь...

— Но я боюсь. Забирай муку и уходи. Она тоже боится...

— Нет, папа, не боюсь, — раздался тихий голос. — Я давно думаю о нём, как о муже. Мама сказала, что теперь он не раб. Рабом не был. Рабы — это вы. Весь посёлок. Безропотные и молчаливые. Вам ничего не нужно. Лишь бы вас не трогали. Выпьете веселухи, побьёте жён и детей. И опять работаете на кровопийцу. Мама мне разрешила выходить замуж.

— Ты смелая, дочка. Я — рад. А я вот всю жизнь живу трусом. Каждого стука боюсь. Вот придут и тебя заберут. Увезут в здравницу к Гирху. Что нам прикажешь делать? У нас этот страх давно поселился. Ничем не можешь. Ничем не вытравишь. Если тебе будет так хорошо, если ты так решила, то и я согласен. А там будь что будет. Я и траншею смогу рыть и железо добывать на руднике. Прощай. Я скажу, что ты утонула в пруду, когда полоскала бельё. Мальчишкам ничего не объяснишь. Они глупы.

Степиков вдруг подумал, что он, прикоснувшись к судьбам людей, стал свидетелем и очевидцем несправедливости. Он вдруг почувствовал ответственность за них. Ведь может всё. Но не имеет права вмешиваться в ход истории. Что со мной сделают? Накажут. Посадят в клетку, изолируют, как преступника. Но он не для себя. А может быть, у них такая судьба. Другая - им не нужна. Они привыкли к этой жизни. Эксплуатируют их. Значит, они достойны этого. Смена Гирха к чему может привести? К такому же хаосу. Должна развиваться техника, нужно всеобщее образование. А зачем? — спросил себя Василий и задумался. — Образование нужно для чего-то. Они пока живут в средних веках. У них своё колесо истории. Пусть

оно их везёт. Ты тоже трус, оказывается, — сказал себе Степиков, — Как бы чего не вышло? Как бы ни отчислили из института? Как бы ни сообщили о его плохом поведении родителям. Ты не лучше этого Латика, который живёт по воле сильного правителя, перед портретом которого нужно дёргаться, разводя руками...

— Привязывай верёвки к мешку, — сказал Степиков. — Лемму тоже нужно посадить в мешок, чтобы она легко перенесла полёт.

— Понятно, — радостно сказал Айкин. Мужчина ушёл в темноту склада. Подал пустой мешок и моток. Степиков проверил на прочность бечеву и принялся перевязывать мешок с мукой.

8.

Преодолев притяжение, Степиков почувствовал, как образовывается капсула, уплотняющая пространство и атмосферу. Его спутники смотрели вниз и видели город в тених и черноте ночи. Лемма, не понимая, что с ней происходит, удивленно спросила у Айкина, как он стал летать, как птица. Парень кивнул головой к плечу Степикова, который выбирал маршрут над горами. «Его к нам прислал Иссонез. Он может нас спасти от Гирха, но ему ещё нужно получить разрешение. Всё не так просто». «Я забыла маме сказать, чтобы она не поливала брюкву, — озабоченно проговорила девушка, обнимая горячими ладошками, плечи Айкина. Ей казалось, что она безмерно счастлива, а о предстоящих трудностях не думала, так как они будут ещё когда-то, а сейчас рядом любимый человек, который дружит с очень могущественным парнем, который умеет летать по небу. Она слышала сказки от бабуш-

ки о ковре-самолёте, о сапогах-скоробегах. Она и сама летала много раз, но только во сне. Оказывается, в жизни возможно многое. Сказка — это не ложь, а лишь забытые ощущения. Огненная колесница, на которой ездит по небу Илия, уже прилетала. А Белая птица ещё прилетит».

Степиков оставил друга и его невесту у двери в пещеру. Он им не нужен. На станции принял душ и лёг спать, забросив балахон в контейнер для мусора. Он так и не разобрался с особенностями зерна. Ничего, успокоил себя, — завтра полетит один в замок и послушает о чём разговаривают правители страны, что планируют на будущее».

Утром Степиков проснулся усталым и недовольным собой. Что-то не давало ощущения радости и желания продолжать работу. Он хотел заказать завтрак и ванну. В комнату позвонили. Вошел Гордеев.

— Спим, практикант, Василий? Начнём знакомиться с планетой. Завтрак на столе. Как ты тут? Не скучал? Сегодня наши подлетят.

— Не скучал, — вскочил Василий с кровати. — Некогда было. Познакомился тут с отличным парнем. Вчера мы летали его сватать.

— Сон приснился? Начитался разных книжек. ...Верю. Не горячись. Планета обитаема, говоришь. Что за голувита? Фантазёр.

— Посмотрите мои эксперименты. В контейнере лежат эти зёрна. Я сейчас покажу.

— Где ты их взял? — удивился Иван Андреевич, внимательно рассматривая будущего космоботаника.

— Тут такая странность. Местные Грасы и рели выращивают эти самые зёрна, а потом мешки исчезают, но вместо них появляются контейнеры с мукой. Мука, как мука. Всего в ней достаточно. И минералов и витаминов. Я проверил. ...Ел. Ничего не случилось. Несправедливость у них. Средние века, — вздохнул Степиков. — Вы же сами говорили, что тут не всё понятно. Бывали и другие экспедиции. Свалку нашёл. Рассказывал Айкин о том, что и аварии были космолётов. Вижу по глазам, что не верите.

— Василий. Подожди. Позавтракаем. Обсудим. Ты очень загорел.

— Я — сейчас. Подождите минутку. Я вас столько времени ждал...

Степиков помчался в кладовую, где хранил собранные материалы и образцы. Помеченный пенал нашел быстро. Волнуясь, открыл. Матово блестели гранёные зёрна. Гордеев внимательно осмотрел находку, покачал головой.

— Ты молодец. Я решил, что паренёк от одиночества нафантазировал себе непонятно чего. Но странные зёрна подействовали на меня несколько угнетающе. Мы же второй год обследуем планетку. Ничего не нашли, а ты, студент установил контакт с какой-то цивилизацией. Умница. Как же быть? Выходит, я просмотрел целые народы. Проморгал. В центре не поглядят по голове. Отчёты сочтут за фальсификацию. Надо что-то делать. Признать свою ошибку придется мне, а может быть, ты попал в параллельный мир, заскочил в складку времени? Придётся мне, Вася, признаться в непрофессионализме. Сдать полномочия? Вот это Гордеев, скажут в отделе. Лопух. Крот. Про-

моргал такое, что и слов нет, чтобы оформить мысль. Кто я теперь после этого? Но я летал, смотрел, собирал образцы, анализировал.

— Вы не расстраивайтесь. Это бывает такое.

— Посмотрим твои записи? Включай. Находку спрячь. Надо её ещё изучать. ...Излучает что-то. Как бы ни облучиться. А то мы тут можем свихнуться от этой голувиты. Бывало и такое. И не такое...

— У меня долго болела голова.

— Ты, мой друг, профессионально всё сделал.

— Прилично. Этот старик тебя нашёл в ловушке? Покажи шрам. Почему ты снял костюм? Молодость. Мог и погибнуть. Земной котёнок. Это что? Шахтёрский фонарь. Покажи на карте, где этот город Гирхополь. Река тут. Ещё города. А это что?

— Неугодных отправляют рыть траншею. Как бы ров, на границе с соседними государствами. За морем Титаги живут. Не летал туда. Некогда было. Заболел однажды. Ничего не помогало. Старик вылечил. Собираюсь лететь в замок. Хочу послушать, что правители уготовили своим подданным.

— Только не это. Kontakтами занимаются специалисты. Вася. С меня шкуру снимут. ...Узнают. Завтракаем. Полетим к твоим знакомым. Мне очень интересно. Два земных года я тут, как лошадь изучаю с коллегами планеты и ничего не нашли.

— Вы же сказали, что планета обитаема.

— Я?

— Когда мы встретились на орбиталке. ...Да. Так и сказали.

— От боли. Шок у меня был. Не может такого быть.

Гордеев почти ничего не ел. Степиков быстро расправился со своими любимыми голубцами, выпил кефир и начал собирать продукты в банку.

— С собой. Угостим молодых. Они женились. У них не принято торжественное бракосочетание. Нужно помочь с жильём. Пещера глубокая, но зимой холодно будет. А что придумать? Придётся им соорудить отдельную комнату. Запасной выход, тамбур, очаг, трубу...

— Каких молодых? — сварливо спросил Гордеев.

— Вы же видели мой отчёт. Я всё снял. Посёлок лори. Дочь Латака Лемма вышла замуж за моего друга Айкина.

— Хватит ерунды. Показывай, — начал раздражаться Гордеев. — Ничего ты им строить не будешь. Нельзя. Не положено. Кодекс прочитай ещё раз. Любое вмешательство...

— Как они будут жить? Кто им поможет. Айкин хранит печать Совета. Совет был раньше.

— Совета. Печать. Забудь о ней. Сказки. — Гордеев рассмеялся. Вдруг Степиков вспомнил, что Гордеев назвал город Гирхополем. «Я не говорил о городе ничего. Откуда он знает?» Степиков взглянул в усталые глаза руководителя, перенёсшего операцию. — Где-то совсем недавно он видел их. Но где? Видел ведь. Не могу вспомнить. Думай, практикант. Думай. Вдруг в его сознании возник пруд, посёлок рели, два столба с портретами пожилого человека с усталыми добрыми глазами. Гордеев — Гирх? Полная чушь. Гирх превратился в Гордеева. Невозможно. Невероятно. Случайное сходство. Такое может быть? Может. А

почему не бывает совпадений? Сколько угодно. Я всё разболтал. Ел он неохотно. Отвык от пищи земной. Кровь девушек ему подавай. Где же другие члены станции? Почему он меня сразу не убрал? Надеялся, что я буду сидеть на станции, ждать его указаний. Что делать?»

— Ничего делать не нужно, — рассмеялся Гордеев. Будешь изучать мою планету. Поднимай восстания. А хочешь, будь моим советником. Оклад тебе дам приличный.

— Иван Андреевич, вы — Гирх?

— Так надо. Работать придётся, сынок. Не уважаю строптивых. На Землю маршрута нет. Уловил?

— Почему? Я — на практике...

— Ты погиб в ловушке. Отправлено сообщение в центр и родным. Так оно и было. Никто тебя не ждёт, искать не будет. Показывай, где живёт твой хранитель печати, последний из кравелов. Договоримся, сынок...

— Пошёл, дядя Гирх, куда-нибудь подальше. Печать в надёжном месте.

— Ну, погоди, змеёныш! Под пытками всё расскажешь...

Степиков бросился со скалы. Гордеев последовал за ним. В пылу беседы забыл надеть пояс погашения гравитации. Василий это заметил не сразу. Лишь, когда тот крикнул что-то, метнулся к нему, но не успел. Тело скользнуло по склону, несколько раз перевернулось. Степиков наклонился над руководителем наблюдательной станции. Тот ещё дышал.

— Вот и всё, — сказал он. — Гирхом теперь будешь ты. Нужно узнать тайну голувиты. У меня не получилось. Узнай. — Гордеев-Гирх попытался рассмеяться, полез в

карман, но рука его ослабла, — документы возьми и ключи от складов. Маска лежит в левом ящике стола в синем кабинете на третьем этаже. Пробрёшься ночью. А голос фототр копирует. Мне тоже пришлось подчиниться. Я — приказываю докопаться до истины. Ищи Белую птицу на севере. Говорят, её там видели. В первую очередь убери всех «птицеводов». Вся беда от них. Я — не занимался страной. Я искал Белую птицу. Передай в центр исследований...

Степиков сидел у тела, и не понимал, как Гордеев стал Гирхом. Где найти других членов наблюдательной станции. Почему нужно обязательно становиться тираном чужой страны? Василий вдруг понял, что Гордеев, в самом деле, не ожидал встретить его живым. Он зачем-то прилетел на станцию. Он забрал документы, большие ключи на кольцо, небольшую шкатулку-пенал. Назначение предмета предстояло ещё узнать. «Я ещё молод и неопытен. Не умею изображать из себя тирана. Это ответственность. Это трудно. За меня всегда кто-то отвечал, мне помогали, меня наставляли. Рядом были родные люди, преподаватели, друзья. Кто мне поможет? Почему он сказал, что на Землю маршрута нет?

ДОСТОИНСТВО НЕДОСТАТКА

Раиса собиралась долго. Щёки её пламенели маковым цветом.

— На кого ты меня оставляешь? — выдохнул Герман Андреевич.

— На кошку, — заплакала неожиданно Рая, кладя ключи от квартиры на подзеркальник в прихожей. — Хоть бы пил, как приличные люди. Садист.

— Не плачь, Не ты первая, — пытался острить Герман Васинькин.

— Знаю. Вот номер телефона. Если что.... Прощай. Не виновата я, и тебя не виню. Ищи свою дюймовочку.

Через две недели окончательно закрылся завод садовых инструментов, выпускавший садовые вилы и гаечные ключи из хромованадиевого сплава. Герман Васинькин, как и весь коллектив штамповочного цеха, оказался на Панели. Так называли площадь перед заводоуправлением. Месяц Васинькин — худое существо без особых запросов, — существовал на остатках круп, которые закупала жена, когда ещё выдавали талоны. Потом сдал запасы бутылок, скопившиеся в сарае. Пересмотрел вещи, которые могли бы иметь спрос на барахолке. Книги брали, но по очень низким ценам. Коллекция фарфоровых тарелок и фигурок животных дала возможность прожить ещё один месяц. Герман исправно оплатил услуги ЖКХ, последние копейки выложил за газ и телефон. Свет он перестал включать. Телевизор не смотрел. Не хотел волновать свой изношенный перестройкой организм.

Васинькин изобрёл перестроечный суп. Он сыпал на сковородку две ложки муки, лил воду, слегка солил, добавлял четвертинку бульонного кубика. Когда был желатин, замачивал его и вливал в сковородку. Если бы Рая умела солить-мариновать, в погребе могли бы сохраниться банки с огурцами и помидора-

ми, но в углах просторного овощехранилища он смог обнаружить десяток сморщенных и проросших за лето картофелин. Садовый участок жена заставила продать, а на вырученные деньги купила акции «Гермес-Союз». Проценты выплачивали большие, но всякий раз очередь заканчивалась перед Васинькиным. Он пытался занимать очередь в представительский пункт с часу ночи, но там уже сидели у костра люди и вносили его пятнадцатым или двадцатым. Вскоре исчезла реклама по телевизору, «Союз» распался на молекулы и растворился в городском чистом воздухе, как и его тёзка, но после него остались хоть буквы — СНГ.

Заглядывая в проржавленный мусорный бак, который почему-то никто ещё не сдал в утиль, у своего родного пятиэтажного крупнопанельного дома, обнаружил три пивных бутылки, среди выброшенных газет увидел книжонку. Серая обложка, бумага с мелкими вкраплениями опилок. Но привлёк Германа заголовок: «Как жить богато и счастливо». Пришлось опуститься за бутылками и книгой на вонючее дно. В школе Герман старался не читать лишнего. В технике тяги к пустому чтению литературных опусов не возникло. «Таинственный остров» и «Двенадцать стульев» перечитывал каждые пять лет своей вполне хорошей жизни. Не заметил, как обе книги выучил наизусть. «Вот тебе и подарок к новому году, — сказал сам себе.

На площадях города Лупоглазова уже валялись очистки от апельсинов и мандаринов. Там же кучковались, продаваемые ёлки и сосёнки. И так Герману

захотелось стать счастливым, что он помчался на свой третий этаж, чтобы узнать, как жить богато. Прочитанная брошюра оказалась не такой уж и пустой. Изобиловала многими полезными советами. Герман, как учил иностранный миллионер, начал анализировать свои достоинства и недостатки. Разобравшись в себе, понял, что он относится к третьей группе, которая согласно полученного гороскопа желаний, должна работать самостоятельно, не организуя никаких фирм, никаких концернов и даже синдикатов.

Герман думал. Чтобы что-нибудь продать, нужно что-нибудь купить, удовлетворяя спрос рынка. Что он может продать и что купит, чтобы попасть в рыночную струю? Ничего. Автор учил, что нужно все свои недостатки ввести в ранг достоинств. И Васинькин смог это сделать. Недостатки превратились в достоинства. Они помогли ему сначала купить приличный мобильник. Старую «хрущобу» сменял таки на трёхкомнатную в хорошем районе. Отремонтировал старые зубы, удалив изношенные плохой пищей.

Герман начал копить деньги на покупки подарков своим детям. Их было не много, но и не мало. Пятеро. Жили они далеко и со своими матерями, которые, видя достоинства Германа, вышли за него замуж. Рассмотрев поближе достоинства, поняли, в процессе интенсивной семейной жизни, как они становились недостатками. Без слёз покидали Васинькина и даже стеснялись подавать на алименты. Герман пытался им помогать, но детей росло многовато, а зарплата худела на глазах. Вскоре её заменили клю-

чами и вилами. Ключи ещё можно дарить ребёнку, а вот вилы — предмет, несущий опасные последствия, не мог стать ни подарком, ни эквивалентом алиментов.

Работал Герман три часа в сутки. Было бы лето. Зимой не разработаешься сильно. Он заказал себе приличные таблички на грудь и на спину. Языки выбрал, какие попало. Была даже латынь, древнеэскимосский, старояпонский и шумерийская клинопись. Иностранцы в городе водились, как мухи у гальяна. Они шлялись по древнему кремлю, пугая вспышками блицев ворон и галок.

— Помогите жертве монументалистического искусства, — обращался он к прилично одетому сэру или симпатичной мадам на чистом хинди или идише. К простым людям обращался просто на родной мове: «Кореш, не дай кинуть копыта и сыграть в ящик». Если человек раскрывал рот и останавливался, Герман продолжал:

— Я получил увечие, когда с меня ваяли скульптуру «Писающий мальчик». Роден. Ну и другие. Этот, как его — Анджело Мигель. По пьяни опрокинули на моё детское тело банку с кислотой или прокисшим вином. Рост органа замедлился.

— Чем докажешь? — останавливался уж совсем любопытный. — Именно с вас? Эту чудную скульптуру? ...Что значит, что век на воле не бывает? Вы покажите, товарищ, господин, жертва.

Герман стесняясь, оглядывался, совал руки в карманы пальто.

— Смотри на моё увечье, радуйся моим страданиям, жалкий счастливец, у которого всё в порядке, — с этими словами распахивал полы пальто. Кое-кто восклицал, вытирая слёзы, трясущимися руками доставал последние доллары или тугрики. Герман кланялся и спешно уходил.

Стояли крещенские морозы. Но Васинькин не прогуливал. Работа — это уже не школа. Вкалывал, бедолага, не взирая на крещенские морозы и даже на куриный грипп, обнаруженный в городе по случаю нужного пиара, кому-то, сидящему на верхней скамейке. Он курсировал по обычному маршруту. Налоговая полиция его не трогала. Обходила стороной, заливаясь слезами. Городские бандиты ему сочувствовали и швыряли из чёрных автоокон баксы. Одна милая особа в шерстяных ботах и в редкой белой шали, почиканной хамоватой молью стала часто встречаться Васинькину. Она всегда быстро высовывала руку из собачьей рыжей муфты и клала в стаканчик из пластиковой бутылки, пристёгнутый к пуговке, небольшие копеечные суммы.

— Не желаете удостовериться? — спрашивал Герман, смущённый тем, что дама не интересуется его увечьем.

— Я доверяю вам, — говорила тургеневская женщина бальзаковского возраста. — Нынче не так уж и жарко...

— Работа такая. Выбирать не приходится. Зима.

— Пойдёмте в тепло. Я — не садистка, — говорила женщина понимающе. — Да хотя бы в нашу столовку. Я там всегда кушаю сухарики с чаем.

Они пошли в фирму питания и здорового настроения. Васинькин заказал кофе с коньяком, бутерброды с манной кашей и сёмгой. Понял, что эта особа в ботиках ему нравится. Они выпили по рюмашке сладкого ликёра, изготовленного из пепси-колы с добавлением самогона и жжёного сахара. Болтали, как старые знакомые по садовому участку. Он рассказал всё без утайки и рисовки о себе. Она расплакалась, но как-то радостно блестели в её глазах хрусталики слезины. Оля протянула руку:

— Можно? Просто. Я верю. Не муляж? Хотелось бы удостовериться. Нынче, знаете, столько подделок.

— Не из соседней страны. Своё. ...Да. Как ненормальный. Работает. Без удержу.

— Искала, вас. Подруги говорили, а я не верила. Думала, что так и умру без внимания. Вы не думайте, замужем была семь раз, но увы. Ничего не выходило. Не получалось. Врачи предлагали операцию в Швеции сделать. Боюсь. Инфекцию словить. Призрак СПИДа по Европе бродит.

Она пригласила его к себе. Он купил торт и шампанское. Она несла пакет с картошкой и солёную селёдку. В однокомнатной квартире было так уютно и спокойно, что Герман едва раздевшись, накинулся на пакет мелкой картошки. Уж картошку он умел жарить так, как ни одна женщина не может. Каждый ломтик был зарумянен и посыпан зеленью. Оля вскочила из ванны в фиолетовом лохматом халате.

— Только ты не смейся, — притворно скривила губки женщина. — Дай слово, что не будешь смеяться. ...Как следует, поклянись.

— Клянусь не смеяться, не болтать, не ёрничать. — Проговорил Васинькин и выключил газ. — Жареную картошку нельзя оставлять на утро. Они ели огурцы с картошкой и запивали шампанским. Торт оставили на более позднее время. Ольга добыла из-под кровати начатую бутылку импортной водки, но Герман отказался. Она хотел варить пельмени, на пачке, которой была зелёная надпись: «Холостяцкие».

— Успеешь. Завтра сварить.

— Завтра может не быть. — Причёсывалась женщина, вздыхая.

Утром она встала рано и сварила всё, что хотела. Герман не смеялся, как другие мужчины. Он даже радовался, как ребёнок, глядя её мягкие перья на спине. Она не могла устоять перед его настойчивыми просьбами и сделала три круга вокруг люстры. От восторга Герман всплакнул.

— Ты о чём? — удивилась она. Герман гладил серые перья и вытирал глаза:

— Подушкой пахнут, — шептал счастливо.

На работу они не пошли. Кто ходит на работу первого января? А тем более у них начался медовый месяц.

Это случилось в середине апреля. Герман всё больше стал задерживаться на своей работе. В тот вечер пришёл поздно. Оли нигде не было. Лохматый халат висел в ванной. Олины ключи лежали на под-

зеркальнике. Дверь на балкон была раскрыта. В ящике от телевизора Герман увидел клочки бумаги, сено и скорлупу от двух больших яиц. Васинькин слазил на чердак, спустился в подвал. Безрезультатно. И он снова начал жить своей размеренной жизнью. Иногда звонили бывшие жёны и льстиво благодарили за подарки.

Как-то ночью Герман проснулся от детского смеха. Он подумал, что ему приснилось, но, когда вошёл в кухню, увидел за столом двух девочек. Оленька учила их пить из стаканов, не запрокидывая головок.

ЦЕНТР ВРЕМЕНИ

— Вы умеете разговаривать?

— Нет. Это вы меня понимаете. Я ж цветок. Мне очень много лет. Вы позаботились о моём состоянии. Нынче мало кто думает о других.

Николай Николаевич Ивлев рассматривал торчащую из керамического горшка веточку с тремя листьями и радовался общению. Как мало нужно отдельным особям, чтобы быть счастливым. Люди разучились радоваться пустякам. Им подавай громадные объекты, невероятные события для этого состояния. Просто, у людей всё было. Они потеряли цель, перестали к чему-то стремиться. К чему стремиться, если наука и техника угадывают малейшее твоё желание, и тотчас исполняют. А Ивлев был из другого времени. Он одинок и стар. Стар по возрасту, но оболочка его была вполне нормальной, без патологий.

Что-то произошло в организме, и он перестал разрушаться — дряхлеть. Специалисты не смогли понять, отчего, как это происходит. Первые сотни лет ему было очень интересно наблюдать за развитием общества, за открытиями, за развитием прогресса. Последние десятки лет он стал тяготиться знаниями и бесцельностью жизни, которая, по его мнению, стала однообразной и пресной. Он был другим. По привычке ходил на службу в архив растений. А если сказать точно, то это бы и не архив и не банк данных, не дендрарий, а склад ненужного растительного мира, привезённого, восстановленного, полученного путём скрещивания, но всеравно устаревшего, ненужного. В архиве Николай Николаевич чувствовал себя относительно хорошо. Он считал себя тоже устаревшим объектом. Ухаживал за растениями, проверял параметры, устанавливаемые автоматами, но те никогда не сбивались, выдавая нужную температуру, влажность, имитировали необходимый световой режим. Давно уже не пользовались так называемым электричеством, которое брали из атмосферы, из почвы. Новая энергия оказалась намного доступней и безопасней. Только в музеях показывали автомобили, работавшие на жидкостях, именуемых топливом, на солнечных электрических батареях. Люди не понимали того, что бытовые приборы нужно было подсоединять к проложенным в квартирах проводам, которые создавали поля вредно сказывающиеся на здоровье.

Однажды, наводя порядок на стеллажах, обнаружил Ивлев в дальнем углу горшок с веткой. Она не

ломалась, а значит, была жива. Он принёс растение в кабинет, начал поливать, разговаривая с подопечным. Коллеги подсмеивались над чудачком, помогали ему, пытаясь определить возраст и происхождение находки.

Когда-то Николай Николаевич работал агрономом, выводил новые сорта пшениц, которые могли бы давать высокие урожаи в суровых климатических условиях. Генетика преобразовала мир. Продукты питания стали синтезировать для каждого человека индивидуально, учитывая возраст и душевное здоровье. Нужда в источниках питания отпала. Белки и углеводы выпускали заводы питания. Пища стала безопасной и сбалансированной. Изменился растительный мир, изменился климат. Отправились в дальние путешествия дети и внуки. Он получал от них сообщения, поздравления. Он общался с ними, но обнять или пожать протянутые руки не мог. Мог бы уйти от предупредительного комфорта, от незнакомых людей, но остался наблюдать жизнь, которая стала чужой и странной. Люди могли всё. Им не нужно было трудиться, напрягая физические и умственные силы, чтобы получить желаемый результат. Они могли не чувствовать холода, переносили любую стужу и жару. Люди разучились страдать, а значит радости у них стало меньше. Ушло время завистников и клеветников. Люди умели наслаждаться, научились постоянно ощущать себя счастливыми. Но как поймешь и осознаешь своё счастье, если не шел к нему, не трудился, не ошибался, набивая себе шишки, если не был несчастным. Как станешь веселиться,

если никогда не грустил, не огорчался. Раздумывал иногда Ивлев, не понимая окружавших его людей. Он и ещё несколько таких же долгожителей иногда собирались вместе, делились своими печальями и волнениями. Они умели переживать и тревожиться за других, сопереживать чужую боль и любить.

— Как быть вечносчастливым, как жить, не волнуясь и не печалься, — горячился Ивлев.

— Они глупы. Они словно роботы. Им неведомы страх и неуверенность, — соглашались с ним друзья. — Люди запрограммировали часы и минуты своей жизни на определённый образ мышления, посчитав, что страх и жалость, устаревшие чувства.

— У них всё просто. Доступно. Отношения настолько упрощены, словно они какие-то простейшие инфузории. Они разучились рожать себе детей. Это же великое чувство — материнство! — грустно говорила Ольга Ивановна Тарасова. Люди становятся роботами, а роботы превращаются в людей.

— Жить без страха может быть и хорошо, но тогда не нужна и сила воли, смелость и мужество. Это они вычеркнули из обихода. А вот роботы их защищают, заботятся, чтобы им было тепло, чтобы вовремя поели во время экспедиций на дальние галактики.

— Роботы за них рожают детей. Я слышала, что они даже кричат от боли.

— Они уже никогда не узнают, что такое романтизм и авантюризм, нахальство и спесивость, жадность и щедрость, глупость и коварство, забота и жалость, страдание и любовь.

— Жизнь у них пресна, друзья мои. Однообразна. Мы жили куда как интересней. Согласитесь? Мы боролись, мы побеждали, мы испытывали чувство безысходности, ярости и грусти. Мы сами воспитывали своих и чужих детей. Мы сомневались и любили.

— Мы верили и надеялись. Мы гадали по морщинам на руках.

— Мы верили в чудеса! — взволнованно говорил седой человек, которого все просто звали — Друг. Он мог придти к любому человеку, чтобы помочь, поддержать, утешить. — Мы даже молились Богу, не зная, где он.

— Они теперь знают всё. Это так несообразно — знать всё. Зачем знать всё? Должна быть хоть какая-то тайна.

— Я согласна, — кивнула очаровательной головкой Ольга Ивановна. — Нет ничего прекрасней ушедшей юности. А эти — они вечно юны, но не умеют волноваться, думая о своём любимом. Любовь они называли химическим процессом, вывели таблетки. Проглотили двое или трое — вот тебе и любовь. Смешно. Не хочешь любить, устал, пей пилюлю — всё пройдёт, не будешь страдать, не будешь мучиться.

— Сколько у меня было в жизни разочарований? Сколько раз я обманывался, — заговорил Ивлев радостно. — Но ведь я был счастлив, пусть небольшое время, короткий отрезок. Пусть наступало разочарование, пусть я страдал, но ведь перед этим я был невероятно счастливым человеком. Сегодня я не могу себе этого позволить. Я настолько стар, настолько новая жизнь вытравила из меня почти все

прежние чувства, что мне кажется, что я — это уже не я.

Долгожители выпили заказанный древний продукт, который старики называли кагором, закурили, вдыхая ядовитый дым из белых палочек. Приехавшая милая барышня из службы здоровья, ласково объясняла, что в табачном дыме содержится множество вредных для здоровья человека элементов, а загрязнение атмосферы не стоит делать. Старики не потушили сигареты, а пускали дым в специальные урны, которые очищают его и выделяют продукты сгорания в виде пыли. Старики и старушки танцевали и пели, а два вспыльчивых «паренька», ухаживавшие за одной дамой, вызвали друг друга на дуэль. Это не было шуткой. Старикам привезли пистолеты, но зарядить их оказалось нечем. Порох в патронах разложился, но механизмы действовали нормально.

Утром следующего дня Ивлев, страдая головной болью из-за отравления алкоголем, отказался получить помощь, а, перелистывая книгу из числа экспонатов, задумался. «Они встречаются очень редко. Надо бы просто жить вместе, неподалёку, чтобы чаще видеться, общаться...»

— Если вы хотите, я помогу вам, — заговорил Цветок. — Одно ваше слово, и я верну вам молодость, порывы и сомнения. Я всё могу. Я Цветок Исполнения Желаний.

— В сказках не врал? — удивился Ивлев.

— Нет. ...И живая вода существовала ещё тогда.

— Я думал, что это отражение мечты.

— Вы и летать умели, но лишь не знали как. Вспомните свои сны. Это всё реально. Только люди потеряли свои знания. Для роботов это естественно. Программа сбивается часто у вас. Что-нибудь постепенно разлаживается. Раз в сто тысяч лет вы теряли что-нибудь в своей генетике. Это такие пустяки. Вы могли гулять по всем параллельным мирам, а теперь вам это и не нужно. Разучились. Было столько на Земле проблем, что, начиная с нуля, ваш мир, ваша цивилизация, что-то теряла, а потом пыталась восстановиться, но не всегда это удавалось.

— Значит, мы биологические роботы. А нынешние роботы — кто же?

— Они вполне смогут сравняться с вами, с теми, какими вы были когда-то. Не нарушится программа, вы станете похожими на них, а если Сам внесёт коррективу, то... получится тупиковая ветвь, которая будет функционировать, но постепенно заменится, как и вы. Вы считаете, что знаете, что такое пространство? Увы, Николай Николаевич, этого не знает никто. Пространство не только многомерно оно и многофункционально многоинформационно. А время — это чудо из чудес. Оно может течь вперёд, назад, вбок, вверх — куда угодно. Поместите в центр шара точку — это будет ноль времени. Вы в нём оказались. Ваш организм стоит на одном месте. Каждое движение от центра отправит вас в другой мир, который развивается не только по спирали, но и как угодно. Не пугайтесь. Вы помните о яблоке? Это модель мироздания, но не всего, а только кусочка. Разрежьте

яблоко. Как хотите. Каждый срез — мир. Каждое зерно — это центр. Как вы будете резать, таким будет слоем, срезом ваша цивилизация. Это грубое сравнение. Бывают завихрения, отклонения. Не забивайте голову. Хотите вернуться на свой временной срез?

— Из любопытства? А дети у меня могут быть?

— У вас всё может быть.

— Прежние болезни, ошибки. Я буду их исправлять.

— Естественно. Одни исправите, другие — делаете.

— Память сохранит нашу встречу?

— Не думаю. Что-то смутное, бессвязное, как сон, как туман.

— Я согласен.

Николай Ивлев возвращался из института, Светили окна домов, позванивали трамваи, на мокром асфальте отражались изменяющиеся цвета светофора. Сегодня получил тему дипломного проекта. Тема интересная, придётся попотеть, но и кандидатская станет ближе. За киоском слышалась возня и вскрик, призыв о помощи. Можно пройти мимо. Николаю показалось, что так с ним уже было. Он запомнил мокрый асфальт, облака, подсвеченные последними лучами зашедшего солнца. Но тогда он не остановился.

НЕЖНЫЙ ВРАГ

Умер заклятый враг. Кадет Венька не ликовал. Умер и умер. Теперь не будет досаждать придирками. «Не так скафандр надеваешь. Неправильно отчёт написал о командировочных полётах». Натерпелся от него Маруськин, пока оканчивал космическую кадетскую школу первой ступени. Терпел. Даже по ночам мечь придумывал. Никто не получал столько выговоров, как Веня. Его жалели. Враг гонял его по тренажеру так, что искры сыпались у контрольного робота из круглых глаз. За других кадетов заступались братья, отцы. У Веньки никого поблизости не было. Он сам отвечал за себя. А сержант просто тиранил парня. Глумился.

Со смертью старика Марусин облегчённо вздохнул. Он ещё не знал, кого потерял. Враг был надёжным и настоящим. И даже нежным. Но требовал с него, как с козла отпущения. Погрустив немного, Марусин вдруг осознал, что его жизнь стала пресной и скучной. Венька стал вялым и печальным. Новый воспитатель не придирался к Веньке, словно его и не было. Ошибся в расчётах. Не беда. Исправил навигатор. Подстраховал.

Из первых курсантов Марусин скатился в середнячки. И вот только тогда Венька понял, поэтому депрессия на него напала, как марсианский шакал. Врага не вернуть. Не воскреснуть. Он этого не захотел. Веня старался всё делать отлично, чтобы враг зеленел от злобы, видя, что он достиг небывалой высоты по шкале перегрузок. А теперь у него пропала

цель в жизни. Ничего никому доказывать не надо. Живи спокойно и размеренно. Ненужно лезть из собственной кожи. Не стоит рвать жилы и напрягаться. Он часто с теплотой вспоминал своего верного и доброго врага, который делал его жизнь по-настоящему содержательной и великолепной.

«Хорошего врага надо заслужить, — думал Веня, стоя перед склепом-саркофагом воспитателя — Ивана Максимовича. — Он не был садистом. Он меня любил, поэтому требовал».

СВЯЗНОЙ

Ёрышкин собирал себя на работу. Ему нравилось ощущать холодную ткань пиджака, опускать ноги в просторные штанины брюк, а с галстуком просто священнодействовал. На работу ходил, как на праздник. Его худоватое лицо выражало деловитость и озабоченность. Серые глаза излучали восторженную теплоту, а загорелые с белыми полосками шрамов от рыболовных крючков пальцы просто казалось, трепетали в ожидании блокнота и автокарандаша.

В двухкомнатной квартире тихо. Павлика отправили на каникулы к деду и бабушке, а жена поднялась рано и умчалась на завивку, прихватив бельё в прачечную и химчистку. Когда заталкивал в ботинок ногу, раздавался шум и щелчки.

— Привет, старик. Как житуха? — неожиданно спросил кто-то в его голове. На всякий случай Николай кинул взгляд в кухню, но там никого не было

видно, кроме кота Мурзика, сидевшего на табуретке перед батареей отопления.

— Нормально. Вот на работу собираюсь.

— Мы тогда не познакомились, хотя это и неважно... Я спешил. Выкроил минутку. Если ты не догадываешься, то меня звать, так как и тебя. Мы с тобой... — Говоривший поперхнулся, его кто-то шлёпнул по спине. — Я знаю, что любишь рыбачить. Тоже обожаю это дело. Жаль — не можем встретиться, а то бы вместе побросали закидушки.

Ёрышкин причёсывался, глядя на своё загорелое лицо. Он почему-то не волновался, но глаза выдавали беспокойство.

— Всё путём. Со мной можешь говорить мысленно. Твоя информашка прошла, как из ружья.

— Ты откуда, Коля? — решил задать вопрос Николай Сидорович.

— Как откуда?

— Откуда говоришь? Ну, где живёшь и кем работаешь?

— Извини, старик, пока это тебе не осилить. Туманная штука я и сам не понимаю. Есть правда о тебе и обо мне. Ты потерпи немного. Сейчас не могу всего рассказать. Придёт твой срок.

Ёрышкина одолевали разные мысли. Он думал о своём здоровье, хотел обратиться к врачу, хотя голос успокоил его, сказав, что он не болен, что ему причитается за работу небольшой гонорар. Боялся, что его могут неправильно понять, поэтому не рассказал даже Аглае Петровне о своих разговорах с неизвестным Николаем. На всякий случай взял учеб-

ник для медвузов по психиатрии. О голосах там было написано много чего. Он подумал, что болезнь как-то нужно залечивать.

Закончилось лето. Ёрышкин всегда с волнением и тревогой ждал связи с двойником, который просил рассказать, как устроен электроутюг, каким путём ходят поезда, особенно интересовался Николай устройством фотокамеры и химикатами обработки фотоматериалов. Время как-то сглаживало впечатления от бесед. Прошел месяц, и он рассказал о том, как устроена кинокамера и кинопроектор, рассказал и о братьях Люмьерях. Он открыл энциклопедию и прочитал.

Связной сказал, что не могут придумать грейферный механизм для продёргивания плёнки.

— Старик, напряги воображение, чтобы я смог уловить размеры. Ерунда у нас тут получается. А люди должны ходить в кинотеатры, чтобы воспитываться на чудесных примерах.

— Вы обходитесь без телевидения?

— Не будем заниматься этим делом. Много времени придётся сидеть перед экраном. Это, старик, гиподинамия.

— Ты в параллельном живёшь? — спросил Ёрышкин.

— Почти что. Только сложнее. Нам не всё разрешено у вас перенимать. Клонировать и нам запретили. А вот выращивать органы и заменять вместо больных — это можно. Что тебя интересует? ...Давно сделали токоуловители. Проводами не пользуемся. Опасно. А вы всё ещё кабелями передаёте напряже-

ние? Мы давно отказались. Кто запретил? Ты что с Марса? Сами. Бардак у вас, старик.

Двойник не выходил на связь долго. Незаметно для себя, Ёрышкин стал приветствовать знакомых глуповатой фразой: «Привет, старик». Неожиданно приветствие прижилось в редакции газеты, стало крылатой фразой.

Николай рыбачил у Коровьего брода. Добыл двух небольших налимов, намеривался поймать на живца щуку. Редкие листья болтались на осинках, в ржавой листве шуршали мыши, у дороги на кордон стучал по сухой сосне дятел. Пахло грибами и тиной.

Ёрышкин не услышал, а почувствовал, что по тропинке вдоль берега кто-то идёт. Не оглядывался. Поплавок дрогнул и поплыл от берега, вдруг задрогался и нырнул. Николай подсёк. На крючке крутился, растопырив все свои колючки, большой ёрш.

— Здравствуйте, — раздалось за спиной. — Солидный экземпляр.

— Здравствуйте, — не оборачиваясь, буркнул Николай, принаравливаясь ухватить рыбу за спиной плавник.

— Распишитесь. Получите. ...Ёрышкин?

— Не ошиблись, — швыряя в садок ерша, сказал Николай. Перед ним стоял парень с большой чёрной сумкой на груди. Он расписался в блокнотике, не глядя на бумажки, которые ему подал серьёзный незнакомец, быстро сунул в карман, так как колокольчик на закидушке отчаянно зазвонил. Клёв начался такой бешеный, что Ёрышкин отложил в сторону

вторую удочку, принялся вытаскивать одного подъязка за другим. Попадались и красноглазые сорожки и продолговатые чебаки. Азарт настолько завладел Николаем, что он, потеряв бдительность, не стал вываживать рыбу, а по привычке хотел подсекать, но удилице изогнулось вдруг дугой и конец отломился. Подкрутил катушку, схватил сачок...

Вечером Николай, похлебав ароматной ухи, вспомнил о бумажках, которые ему зачем-то дал парень с большой сумкой. Достал из кармана рыбацкой куртки, разложил на столе и удивился. Это были денежные знаки, на которых изображены портреты представительного человека. Прочсть он не мог. Тексты были на неизвестном языке. «Отнесу их в музей, — подумал Ёрышкин, — пусть разбираются». Вдруг вспомнил, что пришедший человек говорил, не открывая рта, а его ноги не касались тропы, а как бы висели над ней.

КОНКУРС

Уважаемая незнакомая читательница и внимательный читатель! Вы можете поучаствовать в конкурсе на лучшее моё издание из тех, что Вам предложило издательство «БПП». Проголосовать за понравившуюся книгу просто: посылаете на номер телефона, сумму, эквивалентную Вашим эмоциям, которые она вызвала.

8 906 968 97 76

С уважением – Ваш современник. Это. Пока.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>На землю маршрута нет.....</i>	<i>6</i>
<i>Достоинство недостатка.....</i>	<i>77</i>
<i>Центр времени</i>	<i>85</i>
<i>Нежный враг</i>	<i>92</i>
<i>Связной</i>	<i>94</i>

